



Изъ воспоминаній генераль-адъютанта адмирала Д. С. Арсеньева.

1876—1878.

Жизнь великихъ князей Сергія и Павла Александровичей въ Ливадіи, въ эту осень, была гораздо менѣе оживленною и менѣе пріятною, чѣмъ въ предыдущіе годы, и это происходило вслѣдствіе отсутствія ихъ сестры Маріи Александровны и отчасти отъ моего. Хотя великіе князья очень любили г-на Лакоста, но для Сергія Александровича большимъ ресурсомъ было пребываніе въ эту осень, на южномъ берегу Крыма, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, извѣстнаго археолога и знатока Русскихъ и Крымскихъ древностей. Графъ Уваровъ съ молодю подружился съ Лакостомъ, который былъ секретаремъ и домашнимъ человѣкомъ у его отца, прежняго министра Народнаго Просвѣщенія. И теперь въ Ливадіи, чрезъ Лакоста, Сергій Александровичъ познакомился и сошелся съ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ. Еще въ дѣтствѣ Сергій Александровичъ всегда интересовался историческими древностями и любилъ дѣлать раскопки. Даже во время одного изъ нашихъ пребываній въ Крыму (кажется, въ 1870 г.) мы съ нимъ и Павломъ Александровичемъ ѣздили на раскопки въ Херсонескій монастырь и потомъ провели два дня въ Георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ они вздумали произвести раскопки на мысу, на которомъ находился храмъ Діаны, связанный съ исторіей Ифигеніи; но, къ сожалѣнію, тогда, проработавъ два дня, мы не нашли ни малѣйшихъ остатковъ храма. Въ 1876 году великій князь ѣздилъ съ графомъ Уваровымъ нѣсколько разъ на раскопки, которыя были гораздо удачнѣе нашихъ раскопокъ и поисковъ храма Діаны. Графъ Уваровъ сопровождалъ (по моему предложенію) великихъ князей Сергія и Павла Александровичей во время ихъ путешествія по Россіи (въ 1878-мъ году), и великіе князья однажды провели у графа и графини Уваровыхъ нѣсколько очень пріятныхъ дней въ имѣніи графа „Порпиче“.

Императрица возвратилась изъ Англии въ Петербургъ только 22-го Ноября, и, до возвращенія ея, великіе князья снова начали проводить у насъ значительную часть дня, очень часто обѣдали и почти каждый вечеръ навѣщали насъ. Мы часто приглашали на обѣдъ и вечеръ гостей, что было имъ не только пріятнымъ развлеченіемъ, но и хорошею школою для свѣтскаго обращенія и знакомства съ обществомъ, въ которомъ предстояло имъ обращаться. Хотя они и видѣли постоянно у своихъ родителей многихъ частныхъ лицъ, но, въ присутствіи Государя и Императрицы, они узнавали людей не такъ, какъ у насъ. То поклоненіе, которое постоянно выказывалось всѣми Государю и Императрицѣ, а со стороны нѣкоторыхъ и та, скрытая подъ видомъ доброты и ласковости къ дѣтямъ, *лесть*, не могли бы ихъ научить должному обращенію съ людьми въ свѣтѣ, а напротивъ, видя людей только у Ихъ Величествъ, они бы привыкнули считать себя какими-то особыми существами, полубогами, что и бываетъ не рѣдко съ принцами; но въ частномъ домѣ и обществѣ, хотя конечно всѣ обращались съ ними не забывая ихъ сана, великіе князья привыкали держаться со всѣми равноправія, хоть бы и наружнаго (ибо въ душѣ великіе князья не могли не сознавать особенности своего положенія). Эта практика равноправнаго общенія съ людьми была великимъ князьямъ очень полезна. И такъ какъ эти посѣщенія нашего дома были имъ пріятны, то они стали любить общество, и общество, знакомясь съ ними, стало находить ихъ благовоспитанными и полюбило ихъ.

Теперь, съ пріѣздомъ великихъ князей въ Петербургъ, возобновились и ихъ учебныя занятія. Сергій Александровичъ началъ курсъ высшаго образованія, который долженъ былъ закончиться къ его совершеннолѣтію, т. е. къ наступленію 20-ти лѣтняго возраста. Науки этого курса конечно вводились не всѣ разомъ. Не буду здѣсь описывать его въ подробности и послѣдовательномъ порядкѣ, но только изчислю ихъ. Энциклопедія права читалась ему Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ, котораго Сергій Александровичъ зналъ съ дѣтства, полюбилъ, всегда наслаждаясь его умными бесѣдами. Государственное право было поручено профессору Ивану Ефимовичу Андреевскому; Русское законодательство профессору Николаю Степановичу Таганцеву; Политическая Экономія Владимиру Павловичу Безобразову, котораго оба великіе князья полюбили и который сдѣлался имъ близкимъ человѣкомъ, чѣмъ и остался до конца своей жизни, Русскую исторію преподавалъ обоимъ князьямъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, а зимою 1876 года извѣстный Соловьевъ, который и былъ выписанъ для этого на всю зиму изъ Москвы, Русскую литературу читалъ профессоръ Орестъ Фодоровичъ

Миллеръ, Французскую литературу г-нъ Лакостъ, Англійскую г-нъ Мечинъ и Нѣмецкую Кирхнеръ. Что же касается курса военныхъ наукъ, тактику и стратегію читали генералы Генрихъ Антоновичъ Лееръ и Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, военную статистику генераль Павель Львовичъ Лобко (въ послѣдствіи государственный контролеръ), фортификацію профессоръ генераль Кюи и артиллерію генераль Ник. Аван. Демьяненко. Великій князь Сергій Александровичъ интересовался всѣми этими науками и занимался очень добросовѣстно; но любимую его наукою была исторія. Павель Александровичъ еще продолжалъ свой общеобразовательный курсъ и учился всегда прилежно; но по окончаніи этого курса, такъ какъ онъ обнаруживалъ особенный интересъ къ военной службѣ, было рѣшено дать ему высшее образованіе преимущественно *военное*, ограничиваясь въ государственныхъ наукахъ необходимымъ съ ними знакомствомъ. Преподаватели военныхъ наукъ были въ послѣдствіи избраны тѣже что и для Сергія Александровича, и, въ 1879 году, осенью, передъ наступленіемъ своего совершеннолѣтія, Павель Александровичъ очень хорошо выдержалъ экзамень, положенный для поступленія въ Академію Генеральнаго Штаба.

Зима 1875—1876 года прошла для насъ мирно и благополучно, и въ Россіи все еще было спокойно. Но съ начала 1876 года начались волненія въ Сербіи и Болгаріи, и вслѣдъ за тѣмъ война между Сербіей и Турціей, которая наконецъ была остановлена по нашему настоянію и нашими угрозами Турціи. Однако волненіе на Балканскомъ полуостровѣ не только не остановилось, но развивалось болѣе и болѣе. Множество Русскихъ добровольцевъ, съ генераломъ Черняевымъ во главѣ, отправилось въ Сербію. Общественное мнѣніе въ Россіи заволновалось; печать ратовала за братьевъ Славянъ, томящихся подъ Турецкимъ игомъ и требовала отъ правительства войны за ихъ освобожденіе. Возбужденіе за Славянъ мало по малу охватывало всю грамотную часть нашего общества, и только крестьяне оставались вполне спокойными, хотя конечно сочувствіе къ единовѣрцамъ и братьямъ по крови было и у нихъ. Но, говоря по правдѣ, южные Славяне вовсе не были такъ несчастливы, и Турецкое иго было вовсе не тяжело и конечно *гораздо сноснѣе Австрійскаю*. Турки вообще не притѣсняли Славянъ и не разоряли ихъ и когда въ 1877 г. была объявлена Турціи война, то, вступивъ въ Болгарію, мы были удивляемы богатствомъ края и матеріальнымъ благосостояніемъ Болгаръ: ибо оно было несравненно выше состоянія нашихъ крестьянъ. И вѣры православной Турки не притѣсняли, какъ это дѣлали Австрійцы въ своихъ Славянскихъ владѣніяхъ. Сербія хотѣла воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы

окончательно избавиться отъ Турецкой зависимости и началъ свое освободительное движеніе. Наше правительство не препятствовало Русскимъ добровольцамъ ѣхать въ Сербію, но только заставляло ѣдущихъ туда офицеровъ предварительно выходить въ отставку, а самъ Государь не желалъ войны; но Императрица сочувствовала Славянамъ и думала, что они дѣйствительно томятся и страдаютъ подъ Турецкимъ игомъ. Я помню, что въ Апрѣлѣ 1876 года, когда Государь, 27-го, уѣхалъ на воды, за границу, у нея были устроены чтенія о современномъ положеніи Славянъ подъ Турецкимъ игомъ. Мнѣ Государыня поручила пригласить профессора Ламанскаго, знатока славянства, много писавшаго объ этомъ вопросѣ, прочесть у нея нѣсколько лекцій о Славянахъ. На этихъ лекціяхъ присутствовали только великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, графиня Блудова (пламенная и убѣжденная Славянофилка), графиня Александра Андреевна Толстая, Анастасія Николаевна Мальцева (не сочувствовавшая войнѣ иза за Славянъ), фрейлины баронесса Пилларъ и Милютина, жена моя и я. Помню даже, что въ одинъ вечеръ жена моя опоздала на лекцію и вошла въ комнату, когда чтеніе уже началось, и жена смутилась, но Императрица успокоила ее доброю улыбкою и словами: *Ce n'est rien, ce n'est rien!* Этихъ лекцій было всего четыре; онѣ были очень красно-рѣчивы и въ сильныхъ картинахъ описывали страданія Славянъ подъ Турецкимъ игомъ, ихъ любовь къ Россіи, надежду на ея заступничество и на освобожденіе ихъ отъ магометанъ.

Но возвращусь къ описанію зимы 1876 года. 12-го Января великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи со своими двоюродными братьями Константиномъ, Дмитріемъ и Вячеславомъ Константиновичами, Гого Шиллингомъ и фрейлиной Бартеневой давали Ихъ Величествамъ и царской фамиліи спектакль. Въ этотъ же день пріѣхала въ Петербургъ королева Виртембергская Ольга Николаевна, такъ какъ великая княгиня Марія Николаевна серьезно заболѣла, и ей становилось все хуже и хуже. государь и императрица каждый день ее навѣщали и присутствовали 8-го Февраля ночью при ея кончинѣ. 12-го Февраля тѣло великой княгини было перевезено въ крѣпость, а 13-го совершено погребеніе*). Ихъ Величества любили великую княгиню, она была очень добра и умна и до своего 2-го выхода замужъ за графа Григорія Александровича Строганова много и дѣльно занималась воспитаніемъ

*) Это было на Масляной недѣлѣ, и умиравшая великая княгиня просила не длить ея погребенія, чтобы ради того не лишать Петербургское населеніе масляничныхъ увеселеній (слышано отъ княгини М. В. Воронцовой). П. Б.

своихъ дѣтей, и многіе изъ ихъ учителей были приглашаемы для уроковъ великимъ князьямъ, дѣтямъ Ихъ Величествъ. Когда же великая княгиня Марія Николаевна, по выходѣ своемъ замужъ за гр. Строганова (въ 1855 г.), по кончинѣ имп. Николая Павловича, уѣхала со всѣмъ семействомъ за границу, то Императрица пригласила законоучителя дѣтей великой княгини Маріи Николаевны, священника Ивана Васильевича Рождественскаго законоучителемъ своихъ дѣтей, и его назначили настоятелемъ Малой церкви Зимняго дворца. Въ описаніи перваго времени моего поступленія ко двору я уже говорилъ о характерѣ и достоинствахъ отца Рождественскаго и здѣсь скажу только, что онъ вполнѣ оправдывалъ выборъ Государыни и ушелъ отъ великой княгини, потому что, за ея отъѣздомъ въ чужіе края на нѣсколько лѣтъ, онъ оставался безъ дѣла священникомъ опустѣвшаго Маріинскаго дворца, и кромѣ того тогда онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ великой княгиней, потому что не хотѣлъ ее вѣнчать съ графомъ Строгановымъ.

Иванъ Васильевичъ самъ разсказалъ мнѣ, какъ это было. Когда свадьба была рѣшена, графъ Строгановъ пришелъ къ нему и просилъ обвѣнчать его съ великой княгиней Маріей Николаевной. „А имѣете ли вы разрѣшеніе отъ Государя? спросилъ графа Иванъ Васильевичъ. „Нѣтъ“, отвѣчалъ графъ, „и этотъ бракъ долженъ быть тайнымъ“.—Ну, а я безъ разрѣшенія Государя, на основаніи законовъ, вѣнчать не могу.— Да какъ же, сказалъ графъ Строгановъ, вы вѣдь священникъ церкви великой княгини, а она очень васъ просить ее обвѣнчать?—Никакъ я этого не могу, потому что это противно моей совѣсти и моему долгу передъ закономъ.— Да какъ же вѣнчаться безъ васъ? возразилъ графъ: вѣдь у васъ и ключи отъ церкви, и никто въ ней безъ васъ не можетъ совершать таинства.— Отчего же? сказалъ Иванъ Васильевичъ, всякій другой священникъ можетъ служить въ церкви: *ключи вотъ здѣсь всегда лежатъ у меня на столѣ, и вы всегда ихъ можете взять.* Такъ и было сдѣлано. Пригласили другого священника, и вѣнчаніе совершилось въ большой тайнѣ, такъ что Государь, отецъ великой княгини, до самой смерти своей ничего объ этомъ бракѣ не зналъ, хотя, подозрѣвая романъ своей дочери, подъ разными предлогами, съ начала по поводу войны съ весны 1853 года, постоянно удалялъ графа Строганова изъ Петербурга. При свадьбѣ свидѣтелемъ былъ тогдашній военный министръ князь Василій Андреевичъ Долгорукій, который показывалъ мнѣ прекрасные золотые часы, подаренные ему при этомъ великою княгиней и которые онъ постоянно носилъ.— При отъѣздѣ Маріи Николаевны за границу, прекрасно налаженная ею система воспитанія на-

рушилась, и при переѣздахъ ея съ мѣста на мѣсто правильности въ занятіяхъ больше не было. Воспитатели ея дѣтей генераль Константинъ Григорьевичъ Ребиндеръ и Бликсъ были очень хорошіе люди.

29-го Апрѣля, день рожденія Сергія Александровича, праздновался безъ Государя и, помню, въ этотъ день я обѣдалъ у Императрицы, а 18-го Мая Ея Величество съ дѣтьми переѣхала въ Царское Село. 8-го Іюня скончался въ Петербургѣ герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій, мужъ великой княгини Екатерины Михайловны. Императрица съ младшими дѣтьми, т. е. Сергіемъ и Павломъ Александровичами, переѣхала по этому случаю на два дня на Елагинъ островъ, и это единственный разъ, что мы, во все царствованіе Александра Николаевича, тамъ были. 11-го Іюня, послѣ лютеранской службы во дворцѣ Екатерины Михайловны на Каменномъ островѣ, тѣло герцога перевезли въ Аннинскую церковь (на Фурштатской улицѣ) и послѣ отпѣванія отвезли на Варшавскую жел. дорогу, откуда тѣло было отправлено въ Мекленбургъ, въ имѣніе герцога, Ремплинъ.

13-го Іюня Сергій Александровичъ, по распоряженію Государя, поѣхалъ со мною въ Красное Село, въ лагерь, гдѣ онъ долженъ былъ, въ качествѣ ротнаго командира, на лагерное время, нести службу въ учебномъ полку подъ командою Михаила Павловича Данилова, генераль-маіора свиты Е. В. Съ нѣкоторымъ страхомъ и стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ въ Красное Село Сергій Александровичъ и по прибытіи туда немедленно явился къ полковому командиру, а потомъ и къ баталліонному. Генераль Даниловъ принялъ великаго князя любезно, но очень сдержано и сталъ его посвящать во всѣ порядки службы. Онъ имѣлъ видъ нѣсколько суровый, но это была маска, которою онъ покрывалъ свою ангельскую доброту. По службѣ онъ былъ однако строгъ и взыскателемъ. Великій князь къ нему очень расположился, хотя сначала и чувствовалъ нѣкоторый страхъ. Генераль Даниловъ скоро тоже привязался къ великому князю, и Сергій Александровичъ его сердечно любилъ. Съ той поры до самой кончины великаго князя, отношенія его съ генераломъ Даниловымъ были самыя близкія. Сергій Александровичъ глубоко уважалъ и любилъ Михаила Павловича за его строгое отношеніе къ долгу и службѣ, за его рыцарское благородство и ангельскую доброту, казавшуюся еще болѣе привлекательною подъ суровымъ и строгимъ видомъ. Когда въ послѣдствіи Сергій Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ Московскаго военнаго округа, онъ упросилъ Данилова принять должность его помощника, что и было

сдѣлано, и Даниловъ оказалъ этимъ великому князю истинную услугу, дѣятельно помогая и деликатно и незамѣтно руководя неопытного въ первое время великаго князя. Весною 1900 года, во время пребыванія Государя (уже *Николая Александровича*) съ Императрицею въ Москвѣ, генераль Даниловъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ къ Государю. Это произошло послѣ параднаго обѣда Ихъ Величествъ у Сергія Александровича. Я стоялъ въ толпѣ съ генераломъ Даниловымъ, и онъ съ грустнымъ видомъ сказалъ мнѣ: „А Государь на меня сердится, не знаю за что. А вотъ и не говоритъ со мною ни слова и даже на меня не смотритъ“. Въ это время Государь, посмотрѣвъ въ нашу сторону и увидѣвъ Данилова, крикнулъ ему: „Михаиль Павловичъ! подойдите-ка ко мнѣ“ и когда тотъ приблизился къ Государю, Его Величество сказалъ ему: „Я васъ назначаю своимъ генераль-адъютантомъ“. Даниловъ былъ такъ этимъ счастливъ, и всѣ за него радовались. Послѣдніе два года свои Даниловъ очень постарѣлъ и долженъ былъ съ великимъ сожалѣніемъ для себя и съ огорченіемъ для великаго князя покинуть свою должность помощника командующаго округомъ и былъ оставленъ генераль-адъютантомъ и членомъ Военнаго Совѣта, съ позволеніемъ жить въ Москвѣ. Онъ каждый день почти ѣздилъ обѣдать къ великому князю и вечеромъ дѣлать его партію въ винтъ. За нѣсколько времени до своей кончины, онъ, чувствуя ея приближеніе, позвалъ къ себѣ гробовщика и заказалъ ему сдѣлать гробъ, предварительно снявъ съ него мѣрку. Когда гробъ былъ готовъ и привезенъ къ генералу, то онъ сказалъ гробовщику: „кажется, гробъ коротокъ!“— „Никакъ нѣтъ“ отвѣчалъ тотъ, „неудобно ли вамъ лечь примѣрить?“— „Дуракъ, я еще не умеръ!“ крикнулъ Даниловъ и приказалъ гробъ отнести къ себѣ въ сарай, а передъ тѣмъ приказалъ пронести гробъ изъ квартиры на лѣстницу, при чемъ хотѣлъ убѣдиться, что для пронесенія гроба будетъ довольно мѣста, и чрезъ нѣсколько дней тихо скончался.

Въ лагерѣ время Сергія Александровича было очень наполнено: ученые утромъ и ученые послѣ полдня, и хозяйственныя дѣла роты, въ которыя посвящали его бывшій ротный командиръ; затѣмъ завтракъ, обѣдъ, вечерній чай, всегда съ Даниловымъ, занимали почти весь день, и у него едва было время, чтобы прочесть что нибудь для себя, а это было для него потребностью. Такъ проходила недѣля, а въ Субботу онъ уѣзжалъ изъ Краснаго Села въ Царское къ родителямъ, откуда возвращался въ Воскресенье на ночь. Къ сожалѣнію, я не могъ оставаться постоянно съ Сергіемъ Александровичемъ, такъ какъ Павелъ Александровичъ жилъ въ Царскомъ Селѣ, и я долженъ былъ дѣлать

свое время между обоими великими князьями. Я думалъ чередоваться при обоихъ великихъ князьяхъ съ Лакостомъ и Вегнеромъ (замѣнявшимъ г-на Мечина, сопровождавшаго въ это время великаго князя Алексѣя Александровича въ его плаваніи); но Государь, въ подмогу мнѣ при Сергіѣ Александровичѣ, назначилъ флигель-адъютанта Литвинова, бывшаго при графѣ Перовскомъ однимъ изъ двухъ его помощниковъ въ воспитаніи Александра и Владимира Александровичей и въ настоящее время, такъ какъ они оба уже были женаты, г-нъ Литвиновъ оставался безъ дѣла.

Въ это лѣто, когда Ихъ Величества жили въ Петергофѣ, ихъ посѣтили 9-го Іюля Итальянскій наслѣдникъ съ супругою принцессой Маргаритой; онѣ оставались въ Петергофѣ до 15-го Іюля. Они были приняты Государемъ и Императрицей очень дружелюбно, для нихъ были обычныя торжества: парадная встрѣча, 10-го Іюля большой парадный обѣдъ, 11-го обѣздъ лагеря въ Красномъ Селѣ, вечерняя заря и спектакль въ Красносельскомъ театрѣ, 12-го парадъ въ Красномъ Селѣ, 14-го праздникъ вечерній на островахъ и спектакль на Ольгиномъ островѣ. 15-го Итальянскій принцъ съ супругой поѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву, а оттуда проѣхалъ прямо къ себѣ домой. Въ это лѣто пріѣзжали въ Россію король и королева Датскіе, и для нихъ были тоже всѣ обычныя торжества, и между прочимъ въ предестномъ Царскосельскомъ Китайскомъ театрѣ данъ для нихъ балетъ *Трильби*: это былъ первый спектакль въ Китайскомъ театрѣ, который мнѣ случилось видѣть. Но Датскаго короля и королеву я не имѣлъ возможности узнать, потому что они жили болѣе въ кругу Цесаревича и Цесаревны и кромѣ официального представленія и во время празднествъ по случаю ихъ пребыванія я ихъ не видалъ. 2-го Іюля Ихъ Величества со старшими великими князьями и великой княгиней Маріей Александровной отправились моремъ въ Гельсингфорсъ на открытіе второго Финляндскаго сейма. Тогда еще была пора благорасположенія къ Финляндіи, въ слѣдствіе надеждъ на ея чувства къ Россіи. Лойяльное поведеніе Финляндіи во время Крымской войны, и особенно во время Польскаго возстанія, ставилось ей въ заслугу, и Государь, созвавъ тогда первый сеймъ, сдѣлалъ это, такъ сказать, ей въ награду и въ урокъ Польшѣ, не захотѣвшей воспользоваться вѣрноподданнически, самоуправленіемъ, даннымъ ей въ 1862 году при назначеніи намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича, а его помощникомъ маркиза Велеполскаго, и Польскихъ министровъ, и Польскаго управленія краемъ. Въ это время, т. е. въ 1876 году, въ Финляндіи еще не развилась доктрина Мехелина и его школы *шведоманства*, отчужденія

Финляндіи отъ Россіи и враждебности къ ней, хотя эта враждебность до нѣкоторой степени существовала уже давно, но тогда было болѣе незнакомство съ Россіей и недовѣріе, чѣмъ ненависть. Однако на этомъ второмъ сеймѣ уже проявились нѣкоторыя черты враждебности, и Государь уѣхалъ изъ Гельсингфорса гораздо менѣе довольный, чѣмъ послѣ перваго сейма. Въ началѣ Августа послѣ маневровъ близъ Ижоры былъ обычный парадъ, и 10-го Государь назначилъ Сергія Александровича флигель-адъютантомъ и послалъ меня въ Красное Село отвезти ему эполеты и аксельбанты, великій князь былъ счастливъ этимъ назначеніемъ, и затѣмъ дворъ сталъ собираться въ Ливадію.

15-го Августа, послѣ напутственнаго молебна, Императрица съ Маріей Александровной и герцогомъ Эдинбургскимъ поѣхала въ Крымъ, а Государь съ Сергіемъ и Павломъ Александровичами отправился туда же 17-го Августа чрезъ Варшаву, гдѣ намѣревался провести нѣсколько дней и посѣтить фельдмаршала князя Барятинскаго въ Скерневицахъ. Я поѣхалъ съ Государемъ и великими князьями, а жена съ дѣтьми, въ сопровожденіи Лакоста, поѣхали въ Варшаву наканунѣ, и въ Варшавѣ они остановились въ Европейской гостинницѣ. Въ Варшавѣ жена увидѣлась съ Маріей Алексѣевной Косиковской (рожд. Веневитиновой), своей подругой юныхъ лѣтъ, и это ей было очень пріятно, но ночью съ 20 на 21-е Августа, нашъ старшій сынъ Сережа захворалъ горломъ, гдѣ показался у него бѣлый прыщикъ, насъ очень испугавшій, потому что мы тогда воображали, что это дефтеритъ, противъ котораго тогда еще не было вѣрнаго средства. По совѣту г-жи Косиковской, мы послали за Польскимъ докторомъ Сикорскимъ, и онъ успокоилъ насъ, сказавъ что это не дефтеритъ, а только фоликулярная ангина, которая въ послѣдствіи очень часто повторялась у дѣтей. Такъ какъ жена въ это время была беременна, да и дѣти еще не были совсемъ здоровы, то я рѣшился сопровождать жену до Одессы и потомъ на пароходѣ ѣхать съ семействомъ до Ялты, на что и испросилъ разрѣшенія Государя, который очень милостивно вошелъ въ мое положеніе и далъ разрѣшеніе. Изъ Одессы Государь съ великими князьями отправился въ Ялту на своей яхтѣ Ливадія, а я съ женой и дѣтьми одновременно на пар. „Эльборусъ“, который съ пар. „Турокъ“ сопровождалъ Царскую яхту изъ Одессы въ Ялту, куда мы прибыли благополучно въ Субботу 28-го Августа. Императрица пріѣзжала на пристань встрѣтить Государя. Мы поселились съ женой на дачѣ Меера (нанятой заблаговременно), находящейся близъ Ливадіи, на берегу рѣчки Учань-су. У насъ было два дома, одинъ для насъ, другой для прислуги, и прекрасный тѣнистый садъ, въ которомъ дѣти стали проводить цѣлые дни.

Помѣщеніе Сергія и Павла Александровичей въ Ливадійскомъ дворцѣ было тоже самое что и прежде, т. е. надъ комнатами Государя и Императрицы и рядомъ съ комнатами Маріи Александровны, въ которыхъ она теперь жила со своимъ мужемъ. Моя комната, рядомъ съ великокняжескими, оставалась по прежнему за мною.

По Воскресеньямъ и праздникамъ жену приглашали къ обѣдни въ Ливадію и потомъ на фриштыкъ; иногда звали ее къ обѣду и когда было какое нибудь увеселительное вечернее собраніе. Но состояніе ея здоровья не позволяло ей участвовать въ Ливадійской жизни, которая была далеко не столь оживленная, веселая и беззаботно-счастливая, какъ прежде. И кромѣ того теперь надвигалась война. Пріѣхалъ въ Крымъ нашъ посланникъ въ Константинополь графъ Игнатъевъ съ женою, и они хотя поселились въ Кореисъ, но графъ Игнатъевъ почти жилъ въ Ливадіи, въ безпрестанныхъ совѣщаніяхъ съ Государемъ. Игнатъевъ былъ большимъ сторонникомъ войны съ Турціей и увѣрялъ, что Турція въ полномъ разложеніи, что ея армія очень слаба, и что война съ нею будетъ побѣдоносная, рѣшительная и непродолжительна. И онъ былъ правъ. Вызвали въ Ливадію великаго князя Николая Николаевича Старшаго и назначили его главнокомандующимъ арміей. Войска его обожали, и казалось, ничто не могло быть удачнѣе его назначенія. Онъ былъ очень добрый, благородный человекъ, и съ очень тонкою деликатною натурою. Императрица очень его любила и предпочитала его всѣмъ братьямъ Государя. Конечно и онъ стоялъ теперь за войну, и Германія сильно наталкивала насъ на нее. Ближайшимъ агентомъ Германскаго императора въ Петербургѣ и теперь въ Ливадіи былъ Прусскій генераль-адъютантъ Вердеръ, всегда состоявшій въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Государемъ, сопровождавшій его во всѣхъ его поѣздкахъ и пользовавшійся полнымъ его расположеніемъ и довѣріемъ. И надо сказать, что Вердеръ дѣйствительно былъ прекрасный, умный и добрый, въ высшей степени всѣмъ симпатичный человекъ; его очень любили и въ обществѣ, и при дворѣ, и еще болѣе въ войскахъ гвардіи, гдѣ онъ умѣлъ внушать полное къ себѣ довѣріе всему офицерству. Служа усердно своему государю и отечеству, Вердеръ сердечно любилъ Россію, и послѣдняя и самая долгая и крѣпкая его привязанность была къ Иринѣ Сергѣевнѣ Мальцевой; онъ даже просилъ ея руки, но онъ былъ старше ея слишкомъ на 30 лѣтъ. Ирина Сергѣевна хотя очень любила его и почитала какъ истиннаго друга, но не согласилась быть его женою, и онъ оставался ея близкимъ, постояннымъ другомъ и поклонникомъ до самой ея смерти въ 1886 году. Уже при Императорѣ Александрѣ III-мъ, Вердеръ былъ назначенъ послѣ

генерала Швейница Германскимъ посломъ въ Россіи и оставался въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ нынѣшній Германскій императоръ Вильгельмъ назначилъ на его мѣсто князя Радолина. Вердеръ былъ въ отчаяніи оставлять Россію; его назначили губернаторомъ въ Берлинъ, но потомъ и это мѣсто почему-то уничтожилось, и онъ остальную часть жизни оставался безъ дѣла, состоя генераль-адъютантомъ своего императора. Императоръ Александръ III-й и императрица Марія Ѳеодоровна, не смотря на свои холодныя отношенія къ Германіи, очень любя Вердера, ежегодно приглашали его въ Петербургъ и въ Ливадію. Вердеръ сохранялъ и свои отношенія съ Русскимъ обществомъ и посѣщаль своихъ друзей: князя и княгиню Паскевичъ, брата моей жены и его жену, и другихъ въ ихъ деревняхъ. Онъ умеръ въ глубокой старости; послѣдніе свои годы съ нимъ жила его старая незамужняя сестра-дѣвица. Вердеръ былъ друженъ и съ моею женою и со мною, и мы все его очень любили.

Въ Ливадію пріѣхалъ и министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, со своими совѣтниками, барономъ Жомини и Гамбургеромъ. Онъ старался сдержать военный пылъ Ливадійскаго двора, брюжжалъ, но безуспѣшно.

Барона Жомини вообще любили: онъ былъ необыкновенно даровитый, пріятный и образованный человекъ. Теперь онъ съ генераломъ Рихтеромъ (командовавшимъ тогда 17 корпусомъ, стоявшимъ отчасти въ Крыму) задумалъ спектакль и сочинилъ пьесу очень смѣшную и остроумную. По поводу этого спектакля поднялись при дворѣ разговоры и осужденія. Войнствующая партія, къ которой принадлежалъ и женскій персоналъ двора, стала вопить, что неприлично заниматься спектаклями, когда страдаютъ братья-Славяне и когда готовятся къ войнѣ. Однако Ихъ Величества спектакль допустили, такъ сказать, *de mauvaise grâce*, и кромѣ своего Ливадійскаго общества никто на него не былъ приглашенъ, а великіе князья Сергій и Павелъ въ немъ участія не приняли. В. кн. Владимиръ Александровичъ игралъ въ этомъ спектаклѣ, который и состоялся только по его настоянію. Бѣдный Жомини былъ все это время въ большомъ смущеніи.

26-го Октября Ихъ Величества съ Сергіемъ и Павломъ Александровичами отправились на пароходъ въ Севастополь и оттуда въ Москву, гдѣ оставались до 31-го Октября. Въ Москвѣ былъ большой выходъ въ соборъ, и собраннымъ во дворцѣ представителямъ всѣхъ

сословія Государь сказалъ со слезами на глазахъ чудную рѣчь о вѣроятной войнѣ съ Турціей для святаго дѣла освобожденія Славянъ, и слова Государя, совершенно удовлетворявшія общему чувству, были приняты съ единодушнымъ восторгомъ.

Въ Царскомъ Селѣ царская семья, а слѣдовательно и я со своимъ семействомъ, прожила до 21-го Ноября и въ этотъ день переѣхала на зимнее время въ Петербургъ, гдѣ великіе князья продолжали свои учебныя занятія, къ которымъ у Сергія Александровича прибавились лекціи, или правильнѣе бесѣды, съ ст.-секр. княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ (братомъ Анастасіи Николаевны Мальцевой), по приготовленію къ *присяжѣ* въ день его совершеннолѣтія, которое и наступило 29-го Апрѣля 1877 г. Князь Сергій Николаевичъ Урусовъ пользовался большимъ расположеніемъ и довѣренностью Государя и особенно Императрицы, и онъ былъ этого достоинъ. Очень умный и образованный, замѣчательный юристъ и вполне государственный человекъ, при этомъ глубоко вѣрующій и преданный сынъ Православной церкви, онъ былъ человекъ высокой нравственности и чистоты духовной; а его остроуміе, при великой скромности и истинномъ смиреніи, дѣлало его бесѣду, и всѣ отношенія съ нимъ чрезвычайно пріятными. Эти бесѣды князя Урусова съ Сергіемъ Александровичемъ, по разу въ недѣлю, продолжались всю зиму, но я на нихъ не присутствовалъ: таковъ былъ обычай въ царской фамиліи, такъ какъ въ этомъ приготовленіи къ *присяжѣ* и будущей службѣ великаго князя сообщались и государственные секреты, въ которые воспитателя, какъ частное лице, не полагалось посвящать. Съ наступленіемъ совершеннолѣтія великаго князя, по законамъ о царской фамиліи, къ нему должно было назначить попечителя и, признаюсь, я вовсе не зналъ, что меня назначать на эту должность, такъ какъ на нее обыкновенно назначали кого нибудь изъ выдающихся государственныхъ людей и съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, а я еще былъ только капитаномъ 1-го ранга. Но однажды, въ серединѣ зимы, Сергій Александровичъ пришелъ ко мнѣ отъ своихъ родителей съ сіяющимъ лицомъ и объявилъ, съ соизволенія Ихъ Величествъ, что попечителемъ къ нему назначенъ я, и что меня въ этотъ день произведутъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. При этомъ Сергій Александровичъ сказалъ мнѣ, что это должно быть большимъ секретомъ и что я даже не долженъ былъ ничѣмъ обнаруживать и передъ Ихъ Величествами, что это назначеніе мнѣ извѣстно. Я былъ глубоко осчастливленъ этимъ извѣстіемъ, и меня душевно тронуло довѣріе и выборъ Ихъ Величествъ... У великаго князя возобновилась дружба съ Константиномъ Константиновичемъ, и въ это же

время Сергій Александровичъ сталъ сближаться съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Тутолминымъ, воспитателемъ в. кн. Петра Николаевича, тоже очень тогда близкимъ къ Константину Константиновичу. Дружба съ Тутолминымъ была на *почвѣ* предстоявшей войны. Тутолминъ былъ хорошій и добрый человекъ и очень любилъ юношество; онъ былъ пламенный кавалеристъ и пламенный воинъ, любилъ Русскаго солдата и когда служилъ въ л. гв. Уланскомъ полку, былъ отцомъ для своихъ солдатъ. Онъ былъ богатъ, но не хотѣлъ жениться, рѣшившись оставить свое состояніе въ наслѣдство дѣтямъ своего брата. Всѣ эти послѣдніе годы Тутолминъ очень часто пріѣзжалъ со своимъ воспитанникомъ къ Сергію и Павлу Александровичамъ и, какъ я сказалъ, любя юношество и будучи очень общительнаго характера, онъ сошелся съ Сергіемъ Александровичемъ, да и Павелъ Александровичъ его очень любилъ. Великій князь Николай Николаевичъ обѣщалъ Тутолмину взять его съ собою на войну и дать ему боевую дѣятельность, и такъ какъ было рѣшено, что и Сергій Александровичъ поѣдетъ на войну, и тоже Константинъ Константиновичъ, то между ними тремя происходили безконечные разговоры о войнѣ.

Зима 1876—1877 г., для великихъ князей и особенно для Сергія Александровича была очень веселая: мы часто ѣздили въ театръ, но всегда выбирая только тѣ представленія, въ которыхъ не было ничего безнравственнаго, и въ то время это еще было возможно. Также ѣздили съ Сергіемъ Александровичемъ на балы, но Павелъ Александровичъ, которому было только 16 лѣтъ, на балы ѣздилъ рѣже. Учебныя занятія великихъ князей тоже шли успѣшно. Я уже сказалъ, что высшій курсъ Сергія Александровича былъ ему интересенъ, а Павелъ Александровичъ всегда учился прилежно.

Десятаго Марта 1877 года Сергій Александровичъ заболѣлъ тифомъ, и Ихъ Величества очень беспокоились о немъ; но, слава Богу, тифъ былъ довольно легкій и продолжался только до 10-го Апрѣля. Лѣчили его два доктора: Здекауеръ, какъ его обыкновенный врачъ и, по непремѣнному желанію Императрицы, ея докторъ Боткинъ, къ которому она имѣла большое довѣріе. Здекауеръ очень обижался этимъ приглашеніемъ Боткина лѣчить великаго князя, постоянно вступалъ съ нимъ въ пререканія и часто стоялъ за средства неодобряемыя Боткиномъ. Императрица очень на это разсердилась и даже говорила мнѣ: *Il faut renvoyer Zdekaueg*. Она не любила Здекауера еще со времени послѣдней болѣзни Цесаревича Николая Александровича, когда Здекауеръ, привезенный изъ Петербурга въ Ниццу Государемъ, сталъ порицать лѣчившаго Цесаревича доктора

Императрицы Гартмана, и по смерти Цесаревича всячески интриговалъ противъ Гартмана, хотя конечно самъ ничего не могъ придумать для спасенія Цесаревича; онъ даже и не понялъ ни причины, ни сущности его болѣзни, и только въ послѣдствіи, уже по возвращеніи нашемъ въ Россію, добродѣтельный и благочестивый докторъ Государя Карель помирилъ Гартмана съ Здекауеромъ, и я былъ свидѣтелемъ этой сцены, въ которой Карель обращался къ ихъ христіанскимъ чувствамъ и обязанности прощать другъ друга. Я упросилъ Императрицу не обижать Здекауера, который уже столько лѣтъ состоялъ докторомъ всѣхъ великихъ князей, дѣтей Ихъ Величествъ и который все таки былъ хорошій человекъ и докторъ; я общалъ Императрицѣ, что буду въ лѣченіи великаго князя *исполнять только предписанія Боткина*, на что она и согласилась.

Въ концѣ Марта великій князь сталъ поправляться, но тутъ было сдѣлано двѣ неосторожности: первая, что ему, еще очень слабому, позволили говѣть, что онъ и сдѣлалъ, правда почти все время сидя во время богослуженія; а вторая неосторожность произошла отъ Здекауера, настоявашаго на томъ, чтобы великаго князя начали вывозить кататься, при чемъ онъ говорилъ, что это необходимо для скорѣйшаго укрѣпленія великаго князя, съ усмѣшкой прибавляя, что и тифъ у него былъ велико-княжескій, т. е. очень легкій, и намекая этимъ, что это и не былъ тифъ и что это опредѣленіе было неправильно сдѣлано Боткинымъ. Каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда у великаго князя сдѣлался возвратный тифъ, хотя, слава Богу, тоже не сильный. Тутъ Боткинъ сталъ упрекать Здекауера, а тотъ обижался и говорилъ: „я отдаю вамъ справедливость, но все-таки считаю себя докторомъ не хуже васъ; а Боткинъ говорилъ: „я объ этомъ и не спорю, а только жалѣю, что согласился на ваше предложеніе, ибо я чувствовалъ, что эти выѣзды вредны, и у меня есть *нюхъ*, которому я и довѣряю“. И это было справедливо. Боткинъ былъ отличный діагностъ, и у него было то ясное пониманіе болѣзней, котораго Здекауеру не доставало, не смотря на его обширныя свѣдѣнія въ медицинѣ. По милости Божіей Сергій Александровичъ къ 10-му Апрѣлю совершенно поправился, хотя и былъ еще долго очень слабъ. Въ этотъ день въ памятной книжкѣ жены моей записано, что, въ первый разъ послѣ болѣзни великаго князя, я самъ, утомленный уходомъ за нимъ, захворалъ довольно сильно и пролежалъ цѣлую недѣлю. Здекауеръ и Боткинъ тоже стали навѣщать и меня, и тутъ я только хорошо познакомился съ Боткинымъ, который скоро поставилъ меня на ноги. Я имѣлъ возможность видѣть, какъ Боткинъ умѣло и симпатично обхо-

дился съ больными, выказывая имъ живое участіе, большую мягкость и внушая большое къ себѣ довѣріе и сочувствіе. Во время болѣзни Сергія Александровича, Павелъ Александровичъ часто заходилъ къ намъ, чего онъ прежде не дѣлалъ, бывая у насъ, когда мы только приглашали великихъ князей, а Сергій Александровичъ, который въ эту зиму ежедневно къ намъ приходилъ, не бралъ съ собою своего брата. Я думаю, что, приходя одинъ, онъ это дѣлалъ, считая себя большимъ и самостоятельнымъ.

Въ Пятницу, 25-го Февраля, Господь даровалъ намъ дочь Марію; роды у жены начались въ 2¹/₂ ч. утра и продолжались всего 1¹/₂ часа. Жена и я мы были глубоко благодарны Господу и Пресвятой Богородицѣ и были очень счастливы имѣть дочь. 20-го Марта были крестины нашей дочери; крестилъ ее нашъ добрый Иванъ Васильевичъ Рождественскій, а восприемниками ея были великій князь Павелъ Александровичъ и матушка жены, Марія Павловна Скарятина.

Мы были все это время очень счастливы, но 12-го Апрѣля объявлена Россіей война Турціи, и жену это повергло въ большое горе; ибо она знала, что я долженъ буду сопровождать великаго князя Сергія Александровича въ дѣйствующую армію. Но я ее утѣшалъ тѣмъ, что если это и будетъ, то нескоро, такъ какъ великій князь еще очень слабъ, и потомъ я еще утѣшалъ ее тѣмъ, что война будетъ чрезвычайно кратковременна, всего нѣсколько недѣль, и кромѣ того, что великаго князя не будутъ подвергать опасности; она этому вѣрила только до нѣкоторой степени, чувствуя, что это неправда. Однако она понимала, что мнѣ невозможно не ѣхать на войну и что подобный отказъ положилъ бы неизгладимое пятно на мое честное имя, отравилъ бы всю мою дальнѣйшую жизнь и не только мою, но и всего моего семейства, и потому она покорилась очевидной необходимости.

22-го Апрѣля Ихъ Величества поѣхали на нѣсколько дней въ Москву по случаю объявленія войны. 23-го былъ въ Москвѣ большой выходъ Ихъ Величествъ въ соборъ, на которомъ Государь произнесъ дивную рѣчь. Восторгъ былъ всеобщій, всеобщее было и сочувствіе войнѣ за освобожденіе Славянъ. Государь былъ глубоко тронутъ этимъ выраженіемъ любви къ себѣ и сочувствія къ принятому на себя подвигу и возвратился въ Петербургъ съ Императрицею, раздѣлявшей вполне его чувства, окрыленный къ начинаемому дѣлу и одобряемый благословеніемъ своего народа и родной ему Москвы. Ихъ Величества возвратились въ Петербургъ 25-го Апрѣля въ 10 часовъ утра и были встрѣчены множествомъ народа и войсками, стоявшими на улицахъ

шпалерами съ неизъяснимымъ восторгомъ. Прямо съ желѣзной дороги они проѣхали въ Казанскій соборъ.

Но вотъ наступило 29-е Апрѣля, день рожденія и совершеннолѣтія великаго князя Сергія Александровича и принятія имъ присяги на вѣрное служеніе Царю и Отечеству.

Наканунѣ, уже поздно вечеромъ, я получилъ указъ Сенату о назначеніи меня попечителемъ великаго князя Сергія Александровича и приказъ по морскому вѣдомству о производствѣ меня въ контръ-адмирала, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и тоже съ назначеніемъ попечителемъ великаго князя Сергія Александровича, при сохраненіи званія воспитателя великаго князя Павла Александровича. Одновременно съ этимъ мнѣ прислали табакерку съ вензелемъ Его Величества, осыпанную брилліантами въ 2000 рублей. Жена и я были очень осчастливлены всѣми этими милостями, и я благодарилъ усердно Господа за Его благодѣянія и за *завершеніе* такой обязанности, которая на меня была возложена, хотя я глубоко сознавалъ, что она была исполнена далеко не такъ хорошо и полно, какъ слѣдовало и далеко ниже того *идеала*, къ которому я стремился при моемъ вступленіи въ должность воспитателя и который я тогда свято понималъ. Но увы! Жизнь при дворѣ, среди полного довольства и почестей, среди такой *фальшивой* увѣренности *sécurité* въ будущемъ, въ которой я себя мнилъ, мало по малу охладили мнѣ душу, ослабили высокіе порывы и хотя *принципы* оставались тѣже, но уменьшалась способность ихъ осуществлять, и постепенно угасали сознаніе и желаніе быть столь высоко добродѣтельнымъ, чтобы въ глазахъ великаго князя сдѣлать добродѣтель желанною и любезною, сдѣлаться, однимъ словомъ, для своего воспитанника, какъ *Фенелонъ* въ глазахъ герцога Бургундскаго, симпатичнымъ олицетвореніемъ добродѣтели, и внушить ему рѣшимость и привычку къ ней стремиться. Сергій Александровичъ, рожденный съ добрымъ и горячимъ сердцемъ, сталъ уже теперь прекраснымъ, чистымъ, добрымъ, благонамѣреннымъ юношею, и научное образованье его было исполнено хорошо и закончено; но я не умѣлъ сдѣлать для него то, что сдѣлалъ Фенелонъ для своего воспитанника, т. е. внушить ему горячее христіанское стремленіе всю жизнь свою посвятить службѣ Богу въ служеніи своему ближнему и своему отечеству, неуклонно и неусыпно борясь со своими недостатками; однимъ словомъ, онъ былъ, хотя очень религиозенъ, чистъ и благонамѣренъ, но къ себѣ *снисходителен* и, что называется, *ветхій человекъ* въ немъ хотя былъ хорошо направленъ, но *не уничтоженъ*. Кто понимаетъ жизнь въ ея истинномъ, святомъ и высокомъ значеніи, пойметъ что я хочу этимъ сказать. хотя, по обык-

новенному мірскому сужденію, можно было назвать воспитаніе Сергія Александровича вполне удавшимся. Надо при этомъ сказать, что при дворѣ, среди той атмосферы семьи, двора и общества, въ которой жилъ великій князь, трудно вообще молодому человѣку въ его положеніи, которому все въ жизни улыбается, которому столько дано всякихъ благъ и преимуществъ, не быть расположеннымъ хотя и исполняя свой долгъ искать наслажденія въ раскрывающейся предъ нимъ жизни. Таковъ Сергій Александровичъ и былъ теперь. Родители его были имъ довольны, и онъ былъ *жизнерадостный* и дѣйствительно прекрасный молодой человѣкъ.

29-го утромъ я пошелъ къ Ихъ Величествамъ благодарить ихъ и представиться имъ въ своемъ новомъ званіи. Государь и Императрица трогательно меня благодарили за мои труды и попеченія. Императрица подарила мнѣ портреты свой и Государя въ серебряной рамкѣ, съ ихъ вензелями и обозначеніемъ времени начала моей службы до сегодняшняго дня. Не въ оправданіе себѣ, а для вящаго разъясненія, почему мнѣ не удалось достигнуть вполне всего, что я желалъ въ воспитаніи великаго князя, надо сказать, что руководившая воспитаніемъ Императрица, хотя относительно самой себя жила только для исполненія своей высокой обязанности (Императрицы, супруги и матери), чуждая всякой суетности и мелкой жизни, была къ самой себѣ очень строга, но въ отношеніи къ своему супругу и своимъ дѣтямъ и, отчасти къ обществу, думала, что нельзя требовать отъ другихъ такого возвышеннаго и такого строгаго взгляда на жизнь и такой, такъ сказать, строгой и суровой жизни. Она боялась, чтобы такая жизнь не показалась Государю и дѣтямъ ея, да и обществу, *скучною, узкою и противною*, и въ этомъ она была права. И по этому она всегда старалась, чтобы дѣти ея, будучи воспитаны въ истинно-христіанскомъ направленіи, въ тоже время не чуждались удовольствій и развлеченій.

Но вотъ наступило 29-е Апрѣля. Въ 1 часъ дня послѣдовалъ большой выходъ Ихъ Величествъ черезъ всѣ залы, въ большую церковь, гдѣ былъ поставленъ предъ алтаремъ аналой, къ которому Государь самъ подвелъ великаго князя Сергія Александровича, произнесшаго слова присяги, въ слѣдъ за священникомъ, чрезвычайно отчетливо, ясно и прочувствованнымъ тономъ. Конечно великій князь уже за нѣсколько дней изучалъ присягу наизусть и зналъ ее теперь очень хорошо. Послѣ этаго всѣ перешли въ Георгіевскій залъ, гдѣ передъ трономъ поставленъ аналой, а за нимъ знаменщикъ со знаменемъ своднаго гвардейскаго стрѣлковаго 2-го батальона, котораго Сергій Александровичъ былъ шефомъ. Императрица стала на возвышеніи передъ трономъ, на ступе-

няхъ котораго позади ея стояли всѣ великіе княжны и принцессы крови, и потомъ ниже, вдоль задней стѣны зала, всѣ придворныя дамы, между тѣмъ какъ дворъ и военныя лица занимали мѣста вдоль трехъ остальныхъ стѣнъ. Государь стоялъ съ великими князьями и ближайшей свитой впереди, въ право отъ аналоя. Когда всѣ заняли свои мѣста Государь подвель великаго князя къ аналою, и тутъ онъ произнесъ такъ же прочувствованно, отчетливо и симпатично военную присягу, какъ присягу въ церкви на вѣрноподданническую службу. Этимъ церемонія и кончилась, и Ихъ Величества прослѣдовали тѣмъ же порядкомъ во внутренніе апартаменты.

Обыкновенно послѣ присяги въ тотъ же день великіе князья принимаютъ поздравленія отъ всѣхъ высшихъ чиновъ и представителей арміи и флота, но такъ какъ великій князь Сергій Александровичъ былъ еще очень слабъ послѣ болѣзни, то эта часть обычнаго церемоніала была отмѣнена, и онъ принялъ только 4-го Мая поздравленія дипломатическаго корпуса, на членовъ котораго великій князь произвелъ чрезвычайно сильное и благопріятное впечатлѣніе: такъ онъ хорошо умѣлъ каждому сказать не только нѣсколько любезныхъ словъ, но и обнаружилъ большое знакомство съ особенностями каждаго государства и главными условіями ихъ быта и составомъ царствующихъ династій. И тоже онъ удивилъ дипломатическій корпусъ своимъ тактомъ и ласковостью своего обращенія. При этомъ одинъ эпизодъ обратилъ общее вниманіе и заслужилъ Сергію Александровичу общее одобреніе и дипломатическаго корпуса, и Петербургскаго общества.

Англійскій военный агентъ Уэлеслей очень враждебно относился къ Россіи, осуждая ея политику и дѣйствія относительно Турціи. И теперь, передъ присягою великаго князя, онъ выражалъ опасеніе, что великій князь отъ него просто отвернется и по крайней мѣрѣ обойдется презрительно или съ враждебной холодностью, и при этомъ въ нѣкоторыхъ домахъ онъ говорилъ, что на него клеветуютъ, обвиняя его во враждебности къ Россіи. Этотъ Уэлеслей былъ женатъ на дочери тогдашняго Англійскаго посланника въ Петербургѣ лорда Лотфуса. Жена его была очень милая и красивая женщина, которую и Сергій Александровичъ довольно хорошо зналъ; великій князь, подойдя къ Уэлеслею, дружелюбно къ нему отнесся, спрашивая его о здоровьѣ его жены, сдѣлалъ ему еще нѣсколько вопросовъ и потомъ прошелъ къ другимъ. Уэлеслей, не ожидавшій ничего подобнаго, былъ тронутъ почти до слезъ и потомъ съ восторгомъ по всему Петербургу прославлялъ Сергія Александровича. Наше общество нашло поступокъ великаго князя очень великодушнымъ; Сергій же Александровичъ такъ

поступилъ, потому что онъ узналъ объ опасеніяхъ Уэлеслея и его даже нѣкоторомъ раскаяніи и сожалѣніи о сдѣланной ему репутаціи руссофобизма, и великому князю *стало его тѣмъ болѣе жалко*, что Уэлеслей говорилъ, что если получить афронтъ, то долженъ будетъ оставить свой постъ въ Россіи, чего ему очень не хотѣлось. И надо отдать справедливость Уэлеслею, что потомъ, во время войны, когда онъ съ другими военными агентами былъ въ дѣйствующей арміи при главной квартирѣ Государя, онъ держалъ себя очень прилично и никакой враждебности уже не показывалъ, не смотря на недоброжелательство своего правительства, въ это время, къ Россіи.

Вечеромъ, наканунѣ дня своего рожденія, Сергій Александровичъ былъ произведенъ въ полковники. Онъ не только не былъ этому радъ, но очень огорченъ и обиженъ и когда его камердинеръ Датскій пришелъ его поздравить съ полковничьимъ чиномъ, онъ на Датскаго разсердился и сказалъ ему сурово: оставьте меня! Сергію Александровичу хотѣлось заслужить этотъ чинъ своею службою на войнѣ, и ему обидно было, что ему пожаловали его по заведенному въ царской фамиліи обычаю. Вполнѣ понимая его чувства, я старался его утѣшить и образумить. Тоже самое сдѣлала и Императрица.

8-го Мая было въ малой церкви Зимняго дворца совершенно благодарственное молебствіе по случаю нашей первой побѣды надъ Турками, взятія крѣпости Ардагана. 11-го Мая Царская фамилія перѣѣхала въ Царское Село, и мы начали дѣятельно готовиться къ отъѣзду въ дѣйствующую армію.

21-го Мая, въ 1 часъ дня, въ церкви Царскосельскаго дворца было напутственное молебствіе, и въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера Государь, Наслѣдникъ и великій князь Сергій Александровичъ отправились по Варшавской ж. дорогѣ въ дѣйствующую армію, а при Сергіѣ Александровичѣ и я! Тяжело и скорбно мнѣ было разставаться съ женою и дѣтьми; но мысль о возможной смерти меня не смущала: я, какъ бы предчувствовалъ и надѣялся, что Господь, сохранившій меня въ трехъ войнахъ, сохранить меня, по благи Своей, и въ четвертый разъ, хотя мнѣ было ужасно тяжело за мою жену. Всевозможныя опасности и самая возможность моей гибели постоянно представлялись ея воображенію и мучили ее.

Уѣзжая, всѣ думали, что война продолжится два, много три, мѣсяца. И такъ дѣйствительно и было бы, если бы мы имѣли въ Турціи съ самаго начала болѣе войска и туда была бы послана гвардія, какъ

просилъ о томъ в. к. Николай Николаевичъ и какъ того желалъ самъ Государь: но по настоянію военнаго министра Милютина, гвардія осталась въ Петербургѣ, и когда вдругъ, какъ изъ земли, выросла *Плевна* и побѣдоносный райдъ Гурко за Балканы не могъ быть поддержанъ наступленіемъ за Балканы нашей арміи (что положило бы тогда же конецъ войнѣ), война затянулась, и наступило томительное ожиданіе—пробытія на войну гвардіи, послѣ чего, наконецъ, Турецкая сила была сломлена. Но война, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, продолжалась семь мѣсяцевъ и была гораздо кровопролитнѣе чѣмъ кто-либо сначала могъ ожидать.

Далѣе помѣщу по сохранившимся у меня случайно листкамъ маршрутъ Государя отъ Царскаго Села до г. Плоешти въ Румыніи съ обозначенія лицъ ѣхавшихъ въ поѣздъ Его Величества.

Въ первомъ письмѣ моемъ изъ Вильны отъ 22 Мая я писалъ женѣ. „Вчера вечеромъ Государь ужиналъ въ вагонѣ; меня туда позвали, и потомъ, когда Государь ушелъ, я долго разговаривалъ съ Наслѣдникомъ. По его мнѣнію война не можетъ продолжаться долго. „У Турокъ въ Европѣ всего 150,000 войска, большая часть котораго въ крѣпостяхъ, и ихъ оставить они не могутъ; у насъ же 230,000, да еще Румынскихъ войскъ 45,000, такъ что послѣ переправы черезъ Дунай, которою, надѣмся, благословитъ Господь, Туркамъ почти нечего противопоставить нашей арміи, и дѣло, Богъ дастъ, кончится скоро“. Эти надежды Наслѣдника раздѣляли почти всѣ ѣхавшіе съ Государемъ, и даже взятый съ собой запасъ вещей, сообразно съ этими надеждами, взятъ всего много-что на три мѣсяца. Во все время пути Государь былъ со мною очень милостивъ и когда получалъ донесенія изъ арміи и читалъ ихъ сыновьямъ и графу Адлербергу, то приглашалъ и меня. Погода стояла очень жаркая и что насъ поразило, когда мы въѣхали въ Румынскія низменности, это мириады лягушекъ, которыя своимъ кваканьемъ, особенно вечеромъ, просто оглушали насъ.

24-го днемъ мы прибыли въ Яссы, гдѣ Государь остановился только на $1\frac{1}{2}$ часа и не уѣзжалъ съ дебаркадера, на которомъ былъ принятъ съ великимъ торжествомъ: митрополитомъ съ духовенствомъ въ облаченіи, министрами, главными сановниками и множествомъ народа, оглашавшаго воздухъ восторженными криками. Самъ князь хотѣлъ выѣхать сюда на встрѣчу Государю, но Его Величество это отклонилъ и назначилъ его принцу свиданіе въ Плоешти, куда мы прибыли благополучно въ Среду 25-го Мая въ 8 часовъ вечера. Румынія показала намъ очень богатою и прекрасною странюю, и она теперь

вся переполнена нашими войсками, которые ведутъ себя такъ хорошо, какъ конечно никогда никакая армія не вела себя въ чужихъ краяхъ, и этимъ наши войска располагаютъ къ себѣ сердца всего простого населенія, находящаго только выгоду отъ прихода Русскихъ войскъ. Главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, со своимъ сыномъ, съ княземъ Сергіемъ Максимиліановичемъ и съ начальникомъ штаба генераломъ Непокойчицкимъ встрѣтили Государя въ Браиловѣ и сопровождали его до Плоешти. Плоешти небольшой, но красивый городокъ съ небольшими домиками, утопающими въ зелени садовъ. Всѣхъ насъ размѣстили очень хорошо: Сергій Александровичъ помѣщенъ со мною и княземъ Суворовымъ въ одномъ двухъ-этажномъ домѣ, въ двухъ шагахъ разстоянія отъ дома занимаемаго Государемъ. Нашъ домъ очень удобный, сухой и чистый, и первую ночь мы провели очень хорошо, съ удовольствіемъ убѣдившись, что не было ни блохъ, ни клоповъ. 27-го Мая Государь съ сыновьями и главными лицами свиты поѣхалъ въ 10 часовъ утра въ Бухарестъ по ж. дорогѣ, и я тоже съ ними. Встрѣча въ Бухарестѣ была самая торжественная: князь Румынскій съ княгинею, всѣ министры и сановники, митрополитъ и архіерей въ облаченіяхъ, почетный караулъ, разныя депутаціи, и въ томъ числѣ депутація отъ Русскихъ скопцовъ, живущихъ въ Румыніи, войска на дебаркадерѣ и по всѣмъ улицамъ слѣдованія царскаго поѣзда до дворца. Радостные крики народа привѣтствовали своего Освободителя. Музыка и грохотъ орудій не прекращались во все время проѣзда нашего по городу. И на насъ производило сильное впечатлѣніе это торжественное шествіе въ чужомъ государствѣ. На дебаркадерѣ первый министръ привѣтствовалъ Государя рѣчью, въ которой прославлялъ его за дарованіе Румыніи независимости. Во дворцѣ послѣ представленія свиты послѣдовалъ фамильный завтракъ, а для всей свиты гофмаршальскій, во время котораго первый министръ снова въ восторженныхъ выраженіяхъ прославлялъ Государя и Россію, на что отвѣчалъ ему нашъ министръ иностр. дѣлъ князь Горчаковъ; но меня удивило, какъ онъ, столь хорошо пишущій, говорилъ плохо и неумѣло, запинаясь, не находя подходящихъ словъ. Мы оставались съ Сергіемъ Александровичемъ весь день въ Бухарестѣ, откуда вернулись въ Плоешти только на другой день. Сергій Александровичъ послѣ своей болѣзни еще блѣденъ и слабъ; но надѣюсь, что мало по малу онъ въ здѣшнемъ здоровомъ климатѣ скоро поправится и укрѣпится. Не смотря на то, что онъ стремится на войну, онъ довольно грустенъ и пасмуренъ. Я сегодня говорилъ о его здоровьѣ съ Государемъ и просилъ у Его Величества, для развлеченія великаго князя, позволенія поѣхать съ нимъ дня на два въ Бухарестъ, что мы и сдѣлали, отправившись

туда съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ и съ Володей Скарятинымъ (братомъ моей жены, онъ въ это время былъ адъютантомъ великаго князя Владимира Александровича, и Сергій Александровичъ его очень любилъ). Но въ Бухарестъ смотрѣть нечего. Мы только посмотрѣли соборъ и прикладывались къ мощамъ Дмитрія Румынскаго, покровителя Румыніи. Жара была страшная, и наше единственное удовольствіе было въ томъ, что походили по магазинамъ, обѣдали въ ресторанѣ и вечеромъ поѣхали по Киселевскому шоссе, а на другой день уѣхали въ Плоешти, гдѣ и оставались все до 14-го Іюня. Отсюда до Дуная 92 версты, и весеннее разлитіе его водъ еще такъ велико, что къ нему нѣтъ и подступа, что конечно задержать на довольно долго нашу переправу войскъ, чѣмъ собственно и начнутся военныя дѣйствія; но въ какой мѣстности совершится эта переправа, сохраняется въ большой тайнѣ. Въ слѣдствіе этого форсированнаго бездѣйствія, мы вели въ Плоешти жизнь довольно скучную. Обѣдать мы ходили въ домъ Главной Квартиры, гдѣ обѣдала вся свита, а Государь обѣдалъ у себя съ великими князьями, гр. Адлербергомъ, кн. Суворовымъ и кн. Горчаковымъ. Послѣ вечерняго чая у Его Величества Сергій Александровичъ возвращался домой и игралъ въ ералашъ, и наши партнеры были Володя Скарятинъ и съ нами попеременно игравшіе то генералъ Воейковъ, то докторъ Боткинъ, Щолковъ или ст.-секр. Гамбургеръ, и вечера наши проходили довольно пріятно.

11-го Іюня Государь со своими сыновьями и небольшою свитою отправился рано утромъ въ Браиловъ, откуда было получено извѣстіе, что наши войска (корпуса генерала Цимермана) уже переправляются черезъ Дунай. Мы прибыли въ Браиловъ въ 5 часовъ утра, когда наши 10 баталіоновъ на понтонахъ уже переправились на другой берегъ Дуная, прогнавъ съ другаго берега Турецкій отрядъ. За ними уже при насъ переправилось около 10,000 войска, и затѣмъ близъ Браилова переправилось до 22,000. Первые наши 1390 человекъ, переправившіеся на другой берегъ, переѣзжали на понтонахъ черезъ Дунай подъ Турецкими выстрѣлами и были встрѣчены Турецкимъ отрядомъ въ 3000 человекъ, засѣвшимъ въ окопы. Наши атаковали Турокъ, опрокинули ихъ и обратили въ бѣгство, и такимъ образомъ первый пунктъ на Турецкомъ берегу былъ нами занятъ, и переправа остальной части войска Цимермана продолжалась безпрепятственно, такъ какъ крѣпость Мачинъ была тогда же Турками оставлена. Можно себя представить, съ какими чувствами мы смотрѣли на Дунай, покрытый нашими понтонами, полными нашими солдатами, какія высокія минуты мы переживали тогда, какъ было свѣтло на душѣ, и

какою гордостью билось сердце, чувствуя себя Русскимъ, при видѣ этихъ героевъ, нашихъ солдатъ. Въ Браиловѣ у насъ уже устроили мостъ, но имъ еще нельзя пользоваться, потому что противоположный берегъ затопленъ въ человѣческой ростъ, и тамъ дѣлаютъ гати.

Восторгъ нашихъ войскъ невыразимый, и когда Государь проѣзжалъ ихъ ряды въ Браиловскомъ лагерѣ, солдаты его окружали и привѣтствовали съ безконечнымъ энтузіазмомъ. Ура стояло въ воздухѣ, и мы слышали, какъ солдаты въ своемъ восторгѣ кричали: умремъ за него! Въ Галацѣ Государь посѣтилъ раненыхъ; ихъ было 96, а убитыхъ при переправѣ 40. Государь подходилъ ко всякому раненому и съ каждымъ говорилъ, утѣшая его и подавая надежду на скорое поправленіе, а многимъ раздавалъ Георгіевскіе кресты. Какъ тяжело было видѣть этихъ страдальцевъ-героевъ. Всѣ мы едва удерживались отъ слезъ, и я помню, что наконецъ мы съ Гамбургеромъ вышли на лазаретный дворъ и тамъ оба залились слезами. Какія это были слезы, я и сказать не могу; но душа была такъ потрясена видомъ этихъ страданій и патриотическими чувствами, а слезы насъ облегчили и нѣсколько успокоили. Но мѣсто перехода черезъ Дунай нашихъ главныхъ силъ сохранялось въ полнѣйшей тайнѣ. Говорили, что его полагалось совершить около Никополя; но этотъ городъ былъ занятъ сильнымъ Турецкимъ отрядомъ, укрѣпленъ и стоялъ на возвышенномъ берегу Дуная, такъ что мало было вѣроятія, чтобы это мѣсто было избрано для переправы. Мы знали только, и то немногіе, что въ рѣкѣ Ольтѣ, впадающей въ Дунай выше Никополя, готовился мостъ для наведенія на Дунай послѣ переправы и что тамъ же были собраны всѣ понтоны для посадки войскъ къ переправѣ черезъ Дунай. Переправа должна была быть поручена гвардейскому экипажу подъ начальствомъ великаго князя Алексія Александровича; самое же мѣсто переправы, какъ я сказалъ, было величайшей и хорошо сохраненной тайной.

14-го Іюня, въ 4 часа дня, Государь наконецъ оставилъ Плоешти. Мы поѣхали сначала по ж. дорогѣ, и Государя сопровождали его четыре сына, гр. Адлербергъ, военный министръ, ген.-ад. Мезенцевъ, гр. Воронцовъ, Рылѣевъ, Гамбургеръ, докторъ Боткинъ, Шиллингъ при Алексѣѣ Александровичѣ, графъ С. Д. Шереметевъ, Васмутъ и я. Въ 1 часъ ночи мы прибыли въ Слатинъ, гдѣ были приготовлены экипажи. Меня посадили въ коляску Наслѣдника, вмѣстѣ съ адъютантомъ его графомъ Шереметевымъ, и мы съ нимъ ѣхали нѣсколько часовъ, очень пріятно разговаривая; онъ мнѣ показался очень разсудительнымъ, патриотичнымъ, свѣдущимъ по Русской исторіи, нравственнаго,

православнаго направленія и очень религіозенъ. Странно, что, зная его съ 1862 года, я никогда не имѣлъ случая говорить съ нимъ серьезно и, можно сказать, совсѣмъ его не зналъ, и только теперь ночью, въ коляскѣ, въ Румыніи, совершилось это знакомство для меня очень отрадное. Ночь была прохладная, но утро чудное. Мы ѣхали лугами покрытыми травой и цвѣтами, среди которыхъ преобладали такъ называемыя штокъ-розы (мальва) разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно розоваго, и это было такъ красиво! Около 10 часовъ утра мы подъѣхали къ Дунаю, близъ города Турна, напротивъ города Никополя, возвышающагося на противоположномъ берегу рѣки. Подъѣзжая къ Турну, еще далеко отъ берега, мы завидѣли облака дыма Турецкихъ пушекъ изъ Никополя по Турну, и нашихъ изъ Турна по Никополю. Наконецъ, подъѣхавъ къ холму, въ лѣво отъ Турна, вышли мы изъ экипажей и вошли на холмъ, откуда и смотрѣли продолженіе этой пушечной перестрѣлки, которая впрочемъ намъ не причиняла никакого вреда, мы же видѣли, какъ въ Никополѣ загорались нѣкоторыя зданія и между прочимъ горѣлъ Турецкій купеческій корабль на рѣкѣ. Здѣсь Государя встрѣтилъ главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Непокойчицкимъ, корпуснымъ командиромъ Зотовымъ и со всѣмъ своимъ штабомъ. Отъ Турна въ лѣво отъ насъ къ Систову, по нашему сѣверному берегу Дуная, было расположено нѣсколько нашихъ батарей, обстрѣливавшихъ Турецкій берегъ, на которомъ тоже было нѣсколько батарей, стрѣлявшихъ по нашему берегу; а верстахъ въ 3-хъ, по направленію къ Систову, стоялъ нашъ военный пароходъ и нѣсколько Русскихъ шлюпокъ и купеческихъ судовъ. Замѣтивъ, что батарея близъ нашего парохода „Джанета“ (это былъ мѣстный, нанятый нами для войны, частный пароходъ) перестала стрѣлять, Государь подозвалъ Сергія Александровича и сказалъ ему; „Поѣзжай къ „Джанетѣ“ и узнай, отчего у насъ перестали стрѣлять“. И Сергій Александровичъ сталъ садиться на лошадь, чтобы ѣхать. Я въ это время стоялъ неподалеку и не зналъ, что мнѣ дѣлать: ѣхать съ великимъ княземъ могло показаться ему обиднымъ, что какъ будто его сопровождаютъ какъ малолѣтка; не ѣхать, многіе могли бы подумать, что я боюсь, потому что Турецкія ядра ложились по дорогѣ, по которой великій князь долженъ былъ ѣхать... Я стоялъ къ недоумѣнію и смотрѣлъ на Государя, и онъ, вѣроятно понявъ мои чувства и положеніе, сказалъ мнѣ: поѣзжай съ Сергіемъ! И я, сѣвъ на лошадь, поскакалъ за Сергіемъ Александровичемъ. Когда мы стали подъѣзжать къ мѣстности обстрѣливаемой Турками, то одинъ изъ сопровождавшихъ насъ казаковъ сказалъ мнѣ: „Ваше прев-во, поѣзжайте съ Ихъ Высочествомъ и нами въ разбродъ;

чтобы въ насъ не нацѣлили Турки“. Мы такъ и сдѣлали, и путь нашъ къ „Джанетъ“ и обратно совершился совершенно благополучно, и Турецкія ядра падали, то впереди, то сзади насъ. Оказалось, что батарея наша умолкла только на нѣсколько минутъ вслѣдствіе какого-то небольшого исправленія. Такимъ образомъ совершилось боевое крещеніе Сергія Александровича. Наконецъ, около 2-хъ часовъ по полудни, Государь сѣлъ въ коляску, и мы всё за нимъ поѣхали на новую Главную Квартуру, въ деревню *Драча*, къ Сѣверу отъ Дуная въ 15 верстахъ. Государь помѣстился въ помѣщичьемъ домѣ, а великіе князья и ближайшая свита тутъ же на дворѣ въ палаткахъ, и такъ какъ погода стояла чудная, то въ нихъ и днемъ и ночью было намъ очень хорошо. На другой день, рано утромъ, въ 6 часовъ Государь съ ближайшей свитой своей, въ коляскахъ, поѣхалъ на вчерашній холмъ, и взаимная перестрѣлка Никополя съ Турномъ продолжалась по вчерашнему; но вскорѣ послѣ нашего прибытія на холмъ, мы услышали въ лѣво отъ насъ по Дунаю сильную канонаду, и въ слѣдъ за тѣмъ Государь получилъ изъ Сисова телеграмму, что отрядъ нашей арміи въ 2000 человекъ благополучно, ночью, переправился на понтонахъ черезъ Дунай. Затѣмъ новыя телеграммы извѣщали о дальнѣйшихъ переправахъ нашей арміи на южный берегъ Дуная, при чемъ однако нѣсколько понтоновъ было потоплено и нѣсколько человекъ на нихъ поранено и убито. Наши отряды, высадившись на Турецкій берегъ, имѣли жаркое дѣло съ Турками, но опрокинули ихъ и отбросили назадъ; Турки отступили, и переправа нашей арміи продолжалась благополучно. Мы скоро послѣ полученія извѣстій воротились въ Драчу, и тамъ въ 6 часовъ вечера Государь получилъ отъ генерала Непокойчицкаго поздравительную телеграмму съ извѣщеніемъ о счастливомъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Турки никакъ не ожидали переправы нашей черезъ Дунай въ этомъ мѣстѣ, и 8000 человекъ Турокъ, бывшихъ случайно тамъ близъ берега, не могли препятствовать переправѣ и отступили. Къ вечеру уже почти цѣлый корпусъ нашей арміи были на Турецкомъ берегу рѣки, черезъ которую онъ переправился на понтонахъ, такъ какъ мостъ начать наводить черезъ Дунай могли только теперь. Трудно описать всеобщую радость, *восторгъ*, охватившій всѣхъ, начиная отъ Государя до послѣдняго кучера въ нашемъ лагерѣ! Всѣ обнимались и поздравляли другъ друга, и въ эту минуту, какъ бы забыты были все разстояніе и разница между людьми, и всѣ мы чувствовали себя только сынами своего отечества и братьями.

Въ Драчѣ Государь со свитой пробылъ недѣлю, и съ 16-го Іюня мы переселились въ *Зимницу*, на самый берегъ Дуная, гдѣ Главная Квар-

тира расположилась въ домѣ князя Ипсиланти. Государь помѣстился въ самомъ домѣ, очень небольшомъ и просто отдѣланномъ, а всѣ великіе князя и ближайшая свита въ палаткахъ, на дворѣ передъ домомъ. Тутъ же была устроена и большая столовая палатка. Государь завтракалъ и обѣдалъ въ ней со всей свитой, которой обыкновенно было человѣкъ 40 или 50, а часто и больше. Столъ былъ очень простой; за обѣдомъ 4 блюда. По большей части насъ кормили хорошо, но бывали дни, въ которые не могли достать хорошей провизіи; обыкновенно метръ-дотель два раза въ недѣлю ѣздилъ за ней въ Бухарестъ, и тогда мы давали ему разныя порученія купить того или другого для нашего обихода. Послѣ завтрака Государь обыкновенно уходилъ на террасу передъ своимъ домомъ и оттуда смотрѣлъ на Дунай, на которомъ 20-го Іюня уже былъ наведенъ нашъ мостъ, и войска наши днемъ и ночью переправлялись по немъ на другой берегъ. Движеніе было большое, и ночью мостъ, ярко освѣщенный, былъ постоянно покрытъ переходящими по немъ войсками, артиллеріей и безконечными обозами. Теперь, когда армія наша уже переправилась на южный берегъ Дуная, должны были начаться дальнѣйшія дѣйствія войны и прежде всего взятіе Никополя, которое и совершилось чрезъ нѣсколько дней послѣ кровопролитнаго на него нападенія.

Въ тоже время отрядъ генерала Гурко и съ нимъ Скобелева пошли къ Балканамъ, перешли ихъ и побѣдоносно двинулись на Югъ. Армія должна была слѣдовать за ними, а два корпуса подъ начальствомъ Цесаревича должны были обложить Рушукъ и осаждать его, и этотъ отрядъ сталъ называться „*Рушукскимъ отрядомъ*“. Тяжелыя осадныя орудія для отряда везли изъ Россіи. Всѣмъ извѣстна необыкновенная удача рейда за Балканы генерала Гурко, и, еслибы у насъ было тогда довольно войска на театрѣ войны, то нѣтъ сомнѣнія, что оно въ слѣдъ за Гурко, всесокрушающей волной, ринулось бы на Югъ Турціи, быстро дошло бы до Константинополя, и война была бы побѣдоносно нами окончена. И тутъ оказалось, какъ велика была сдѣланная при началѣ войны ошибка—не послать туда гвардію. О присылкѣ ея на войну просилъ великій князь Николай Николаевичъ, и самъ Государь того желалъ, но воспротивился этому военный министръ генералъ Милютинъ, находившій, что на всякій случай гвардію надо оставить въ Россіи, какъ главный нашъ резервъ. И это мнѣніе Милютина было совершенно ошибочно, потому что во 1-хъ, на Сѣверѣ намъ не угрожало никакое нашествіе, и во 2-хъ, разъ Государь былъ въ дѣйствующей арміи, и не было никакой нужды въ присутствіи близъ Петербурга гвардейскаго корпуса. А такъ какъ необходимо было оставить часть арміи на Сѣверномъ берегу Дуная, чтобы наблюдать за

крѣпостями (обложеніе Рущуга) и охранять нашъ тылъ и сообщеніе съ Россіей, то у насъ и не доставало войска для немедленной послыки его за Балканы въ слѣдъ за движеніемъ туда генерала Гурко. А моментъ былъ для этого самый удобный! Турецкое правительство совершенно растерялось, армія еще вовсе не была подготовлена къ войнѣ и, двинься наша армія за Балканы, то можно было бы сказать съ увѣренностью, что какъ только она бы заняла Андрианополь или только подошла къ нему, то Турція *стала бы просить о мирѣ*. Но за неимѣніемъ у насъ на театрѣ войны достаточнаго числа войскъ, походъ на Югъ въ это время оказался невозможнымъ; а между тѣмъ Турція (подъ вліяніемъ Англій и матерьяльной помощи, Англійей ей оказанной) встрепенулась, стала спѣшно и дѣятельно организовать и вооружать армію; вспыхнулъ народный Магометанскій патріотизмъ, а за тѣмъ, у насъ на глазахъ, создавалась сильно укрѣпленная *Плевна* съ 58,000 арміей, которая слишкомъ четыре мѣсяца парализировала наши дѣйствія. Въ это же время главнокомандующій Турецкой арміей Мехмедъ-Али былъ смѣненъ, и замѣненъ энергическимъ Османомъ, отчаянно нападавшимъ на насъ и на Балканахъ на нашъ Русскій отрядъ. Османъ-Паша въ Плевнѣ защищался храбро и отчаянно. Словомъ, война затянулась, не смотря на то, что всѣ нападенія новаго главнокомандующаго Турецкой арміи были постоянно и побѣдоносно нами отбиваемы и, въ концѣ концовъ, повели къ полному разстройству и даже почти уничтоженію Турецкихъ войскъ и средствъ Турціи къ дальнѣйшему сопротивленію.

Но, пока все это мало по малу происходило и развивалось, мы еще не отдавали себѣ во всемъ этомъ яснаго отчета и продолжали надѣяться на скорое и побѣдоносное окончаніе войны.

29-го Іюня, передъ обѣдомъ, фл.-ад. графъ Бенкендорфъ привезъ Государю радостное извѣстіе о занятіи генераломъ Гурко *Тырнова* и Турецкое знамя. Оказалось, что съ приближеніемъ къ Тырнову нашего отряда, Турки убѣжали, и Турецкій губернаторъ спасся даже пѣшкомъ. Тырново, древняя Болгарская столица, большой городъ и важный стратегическій пунктъ, по дорогѣ къ Балканамъ, и взятіе этого города произвело въ Турціи и особенно во всемъ Болгарскомъ населеніи сильнѣйшее впечатлѣніе.

Мы оставались въ Зимницѣ до 3-го Іюля. Воды Дуная теперь уже совершенно спали, и ничто не препятствовало окончательному переходу нашей арміи на южный его берегъ. Жара и духота въ Зимницѣ были страшныя. Еще до двухъ часовъ дня въ палаткахъ было сидѣть воз-

можно, но тутъ солнце, приходящее въ зенитъ, пекло насъ жестоко; къ тому же часто поднимался жаркій вѣтеръ, въ родѣ сирокко, и пыль была невыносимая, песокъ покрывалъ все, и книги, и платье, и кушанье; словомъ, это было настоящее бѣдствіе. Однажды, когда Государь (какъ онъ это дѣлалъ каждый день, послѣ завтрака) поѣхалъ съ сыновьями посѣтить раненыхъ, я вошелъ въ его комнаты что-то спросить у камердинера, хорошо меня знавшаго. Это былъ Костинъ, бывшій любимый камердинеръ покойнаго Цесаревича Николая Александровича. Онъ, видя, что я былъ очень утомленъ жарою, предложилъ мнѣ во время отсутствія Государя отдохнуть въ одной изъ комнатъ на диванѣ, что я и принялъ съ благодарностью; но едва я прилежъ на диванѣ, какъ на меня стали нападать клопы, и я съ отвращеніемъ увидѣлъ, что ими полонъ весь диванъ. Я вскочилъ и поспѣшилъ оттуда уйти, помышляя о томъ, какъ добрый нашъ Государь худо помѣщенъ, и спрашивалъ себя, неужели и въ спальнѣ своей онъ не избавленъ отъ этихъ враговъ рода человѣческаго, которымъ, по выраженію Городничаго въ Ревизорѣ „и на свѣтъ не слѣдовало бы рождаться!“ Затѣмъ я прошелъ въ нижній этажъ дома занимаемаго Государемъ и забрелъ тамъ въ комнату, предоставленную арендатору имѣнія, и въ которой была его контора. Онъ меня принялъ очень любезно и охотно согласился дозволить великому князю Сергію Александровичу (тоже жившему въ палаткѣ) и мнѣ занять эту комнату. Я съ благодарностью принялъ это приглашеніе, прося его сохранить въ этой комнатѣ и его контору, и немедленно въ ней поселился, приказавъ перенести туда кровать и вещи великаго князя, который вслѣдъ за тѣмъ, воротившись съ Государемъ, былъ очень доволенъ этой перемѣной, и съ этого дня и онъ и я уже не страдали ни отъ солнца, ни отъ пыли, и, къ счастью тоже тутъ не было и клоповъ, и такъ какъ комната была низкая, съ маленькими окнами и толстыми каменными стѣнами, то въ ней было всегда прохладно. Палатки же наши оставались на мѣстѣ и были нашимъ *официальнымъ* помѣщеніемъ (и большая часть нашихъ вещей въ нихъ находилась).

Утромъ 3-го Іюля Государь покинулъ, наконецъ, Зимницу, чтобы переѣхать на южный берегъ Дуная въ деревню *Павлово*.

На ночь, 3-го Іюля, мы остановились въ *Царевъ*, въ живописномъ лѣсочкѣ, гдѣ царскій лагерь расположился очень удобно, и вечеръ въ лѣсу былъ чрезвычайно всѣмъ приятенъ. Но утромъ въ 4 часа въ палатку мою вошелъ внезапно генералъ Рыльевъ и, разбудивъ меня, сказалъ: „Вставай скорѣе, Турки идутъ!“ Такъ разбудилъ онъ и всѣхъ лицъ свиты. Всѣ вскочили, въ недоумѣніи и страхѣ и повыбѣжали

изъ палатокъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Определеннаго никто ничего не зналъ, но отъ телеграфиста станціи на Дунаѣ близъ Никополя было получено извѣстіе, что Турки изъ Никополя идутъ на царскую Главную Квартуру въ Царевѣ, а при Государѣ былъ всего, кажется, одинъ батальонъ. По всей дорогѣ отъ Никополя къ Дунаю и по всей окрестности произошла паника.

Вотъ какъ описываетъ этотъ случай графъ Сологубъ въ своемъ Дневникѣ пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи. „Немного спустя 2 часовъ ночи, когда все кругомъ покоилось мирнымъ сномъ, къ палаткѣ коменданта Главной Квартуры, генераль-адъютанта Рылѣва, приведенъ былъ казакъ, прискакавшій изъ Систова съ лоскуткомъ бумаги, наскоро написаннымъ на имя начальника военно-походныхъ императорскихъ телеграфовъ, генерала Щолкова. Записка была слѣдующаго содержанія: „Царевы. Генералу Щолкову. Турки подъ Систовымъ, общій хаосъ, телеграфъ дѣйствуетъ, сейчасъ сниму станцію. Въ Павлово послалъ казака. Начальникъ станціи подпоручикъ Трувелеръ“. Извѣстіе было самое тревожное. Систово отстояло отъ императорскаго бивака прямымъ путемъ не болѣе какъ на пять верстъ. Съ минуты на минуту можно было ожидать налета Турецкихъ башибузуковъ. Отъ генерала Криденера все еще не было донесеній. Можно было предполагать, какъ оно ни казалось невѣроятнымъ, что, по случайностямъ войны, онъ потерпѣлъ полное пораженіе, а донесенія его перехвачены непріателемъ. Телеграфная проволока была очевидно порвана. Суматоха въ Систовѣ, оберегаемомъ цѣлымъ полкомъ, доказывала возможную многочисленность непріателя. Но откуда и съ какою цѣлью и съ какою силою шелъ непріатель? Если Османъ-паша двинулся съ цѣлой арміей изъ Виддина на Никополь, онъ бы встрѣтился съ 4-мъ корпусомъ, который и при разстройствѣ могъ бы дать отпоръ. Но если Османъ-паша повернулъ бы съ подороги, вправо, на Плевну, какъ-то дѣйствительно и случилось, но, не оставаясь въ Плевнѣ, продолжалъ бы путь на Систово: то онъ отрѣзывалъ барона Криденера, ставилъ бы на лѣвомъ флангѣ оба корпуса Цесаревича между двухъ огней, могъ бы сжечь Дунайскіе мосты и настичь даже небольшой императорскій отрядъ. Все это было конечно невѣроятно тѣмъ болѣе, что Турки видимо опасались генеральнаго сраженія и рассчитывали на мѣры осторожности: въ отважныхъ движеніяхъ они могли встрѣтить немедленную гибель своего края; при терпѣливой оборонѣ они могли ее отодвинуть, и занятіе Плевны спасло, быть можетъ, Россію отъ великаго бѣдствія. Какъ бы то ни было, главнѣйшимъ опасеніемъ оказывалось въ настоящемъ случаѣ, чтобы Турки не уничтожили Ду-

найской переправы, оберегаемой только малыми силами, что отрѣзало бы армію отъ ея базиса и возбудило бы большія безпокойства. Недоумѣніе усложнилось неполученіемъ точныхъ извѣстій изъ Николаполя и Систова. Встревоженные генералы Рылѣвъ и Щолковъ почли себя обязанными немедленно разбудить министра двора. Графъ Адлербергъ, хотя и не довѣряя справедливости сообщеннаго извѣстія, тотчасъ въ свою очередь рѣшился разбудить Государя. Но Государь уже не почивалъ, бывъ внезапно удивленъ появленіемъ у его шатернаго окошечка, какъ показалось Его Величеству, двухъ офицеровъ. Узнавъ о происшествіи, онъ тоже не повѣрилъ внезапному свѣдѣнію, но велѣлъ однако подать себѣ одѣваться и послалъ за военнымъ министромъ. Получивъ приказаніе, Д. А. Милютинъ сѣлъ на казачью лошадь и поѣхалъ за корпуснымъ командиромъ, который немедленно явился. Затѣмъ генераль-адъютантъ Рылѣвъ обошелъ всѣ палатки, произнося шопотомъ: „Господа, извольте вставать“. Но тревоги не было 'бито, спокойствіе не было нарушено ни на минуту. Въ скоромъ времени все было готово къ выступленію. Даже обозъ тихо выровнялся въ совершенномъ порядкѣ, безъ торопливости. Между тѣмъ флигель-адъютанту, полковнику барону Мейендорфу, велѣно было скакать въ Павлово, гдѣ располагалась штабъ-квартира Цесаревича, въ тылу его арміи. Его Высочеству предписывалось выслать на встрѣчу Императору, сколько найдется, свободного войска; самъ же Императоръ, прежде всего озабоченный судьбою переправы, рѣшился двинуть къ Дунаю состоявшій при Его Величествѣ отрядъ и лично слѣдовать въ Павлово по непріятельской землѣ на протяженіи 10 верстъ подъ однимъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ собственнаго конвоя. Начальникъ конвоя, флигель-адъютантъ полковникъ Черевинъ, когда ему было объявлено о такомъ рѣшеніи, отозвался, что онъ ни за что не ручается, но что онъ и всѣ его люди готовы лечь до послѣдняго.

Стало свѣтать. Сумерки зари вскорѣ обратились въ теплое солнечное утро. Государь въ обще-генеральскомъ сюртукѣ съ блестящими аксельбантами сѣлъ на вороного коня и тихимъ шагомъ двинулся проселкомъ къ большой дорогѣ, лежащей между Систовымъ и Тырновымъ, спокойно курая папиросу. Незвѣстность о томъ, что можетъ произойти, придавала этой минутѣ особую торжественность. На лицахъ людей, слѣдовавшихъ за Его Величествомъ, выражалась тоже спокойная, на все готовая рѣшимость. При мысли о томъ, что могло бы случиться, замѣтилъ впоследствии генераль-адъютантъ Рылѣвъ, мозгъ стынеть.

Достигнувъ замкнутой воронки, отъ которой двѣ вѣтви дороги подымались (одна влѣво, другая вправо), Государь остановился на бугрѣ,

откуда были видны всѣ стороны котловины. Впереди волнисто возвышалась безлѣсная мѣстность, у подножья которой бѣлѣли мазанки, похожія на Малороссійскія. Тутъ были выстроены два эскадрона собственнаго конвоя. Третій былъ уже двинуть къ Дунаю для рекогносцировки. Поздоровавшись съ казаками и приказавъ штандарту стать за нимъ, Государь послалъ свиты Его Величества генераль-маіора Веймарна осмотрѣть даль по направленію на Систово. По осмотру дали съ ближайшей высоты оказалось, что въ Систовѣ все спокойно, и непріятели нигдѣ не видно. Съ тѣмъ же извѣстіемъ вернулся посланный на рекогносцировку эскадронъ. Тѣмъ не менѣ конвоирующая пѣхота съ артилеріею была возвращена съ пути на Павлово къ Дунаю, и прошла мимо Государя, подымаясь въ ущелье. Государь видимо думалъ о защитѣ переправы, но прямой опасности нигдѣ не обнаруживалось.

Свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Протасовъ-Бахметевъ былъ уже посланъ въ Павлово съ отмѣною даннаго барону Мейендорфу порученія. Тогда свиты Его Величества генераль-маіору Веймарну поручено было направиться (съ возвращеннымъ съ дороги эскадрономъ Чугуевского уланскаго полка) къ Никополю, чтобы отыскать 9-й корпусъ и привести въ извѣстность, какъ предшествовавшія дѣйствія генерала Криденера, такъ и настоящее расположеніе его войскъ, а также и намѣреніе его на слѣдующіе дни. Веймарнъ прошелъ около 30 верстъ, не встрѣтивъ непріятели. Узнавъ, что 9-й корпусъ движется къ Никополю для атаки этой крѣпости, онъ оставилъ утомленный эскадронъ въ деревнѣ Пышекладенцы, а самъ поспѣшилъ съ небольшимъ конвоемъ туда же. Но еще передъ тѣмъ, проѣзжая мимо Систова, онъ узналъ, что тревога въ этомъ городѣ произошла вслѣдствіе распространившагося слуха, будто Никополь нами взятъ и бѣгущіе Турки направляются на Систово. Жители ожидали нападенія, войско было на готовѣ, телеграфная проволока порвалась случайно, чего поручикъ Трувелеръ не могъ знать. Впрочемъ излишняя предосторожность не составляетъ проступка и служить только признакомъ усердія.

Государь, простоявъ болѣе получаса на бугрѣ, съ котораго онъ давалъ приказанія и слушалъ успокоительныя донесенія, тихо повернулъ вправо и въ сопровожденіи одного казачьяго конвоя двинулся по дорогѣ въ Павлово. Мѣстность, по которой слѣдовало шествіе, представляла волнистую массу нагихъ возвышенностей, пересѣченную справа въ отдаленной котловинѣ русломъ извиистой рѣки Сара. Вдали виднѣлась цѣпь Балкановъ. Проѣхавъ версть восемь, Государь остановился на пригоркѣ для привала, сошелъ съ коня, прилегъ на травѣ

и, обратившись къ присутствующимъ, весело сказалъ: *C'est une fausse alarme!* (фальшивая тревога)! На травѣ былъ поданъ походный завтракъ, при чемъ хлопотавшій около фургона мундшенкъ Тонфельдъ упалъ, и фургонъ переѣхалъ ему черезъ ногу, но столь благополучно, что перелома кости не воспослѣдовало. Государь немедленно подошелъ къ упавшему, но и тутъ вышла фальшивая тревога. Затѣмъ движеніе продолжалось по широкимъ и совершенно безлѣснымъ пространствамъ. Наконецъ вдали показалась долина, въ которой бѣлѣли ряды палатокъ, виднѣлись зеленые кусты и черныя точки обозовъ. Издали скакали на встрѣчу Государю всадники. Впереди неся статный генералъ, Государь Цесаревичъ, за нимъ слѣдовалъ въ бѣломъ кителѣ красивый, какъ Антиной, герцогъ Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, генералъ-адъютанты графъ Воронцовъ и Стюрлеръ въ сопровожденіи адъютантовъ и ординарцевъ Его Высочества. Привѣтствовавъ Державнаго Родителя, Цесаревичъ представилъ Его Величеству расположенный вблизи походный лазаретъ, отстоящій отъ дороги на нѣсколько шаговъ.

Осмотрѣвъ и другія части лазарета, не минуя тифозныхъ и горячечныхъ, Государь со свитой продолжалъ путь до стоянки. Въ госпиталѣ остался только лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ для совѣщанія съ врачомъ о самыхъ опасныхъ больныхъ. Отрядъ дошелъ скоро до деревни Павлово, гдѣ назначалось мѣсто высочайшаго пребыванія. Тутъ, среди убогой деревеньки, дожидался почетный караулъ. Пропустивъ передъ собою войско, Государь сѣлъ въ коляску съ Цесаревичемъ и поѣхалъ въ штабъ-квартиру Его Высочества, гдѣ имѣлъ завтракъ съ дежурствомъ и двумя министрами. Въ это время г.-м. Пцолковъ поднесъ Его Величеству телеграмму слѣдующаго содержания: „Имѣю счастье донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося вчера съ четырехъ часовъ утра до наступленія ночи. Крѣпость сдалась безусловно, сегодня на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами сильно укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣнъ взято двое пашей и до шести тысячъ регулярнаго войска. Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ“.

Опасенія о Систовѣ и Дунайскомъ мостѣ, о штурмѣ Никополя, словомъ вся тревога ранняго утра исчезли мгновенно, замѣняясь вѣстью о блистательной побѣдѣ. Государь немедленно послалъ дежурнаго флигель-адъютанта объявить мѣстному войску о счастлиvomъ событіи. Съ разныхъ сторонъ послышались крики радости. Послѣ завтрака Государь лично объѣздилъ солдатскіе биваки и поздравлялъ съ побѣдою, при крикахъ „ура“ и ликованіи обрадованныхъ воиновъ. За обѣдомъ,

который былъ накрытъ на чистомъ воздухѣ и на которомъ присутствовали Цесаревичъ и его свита, Государь провозгласилъ тостъ за храбрый 9-й корпусъ при громкихъ крикахъ „ура“ присутствующихъ. Въ тоже время получена была телеграмма отъ великаго князя Алексія Александровича о томъ, что свиты генераль-маіоръ И. Н. Толстой имѣеть немедленно прибыть въ императорскій лагерь и везеть съ собою плѣннаго Турецкаго военачальника Гасана-пашу.

Между тѣмъ на площадкѣ успѣла выровняться небольшая улица палатокъ и хатъ. Улица эта примыкала къ плетню, за которымъ была поставлена Императорская ставка и шатры ближайшихъ къ Его Величеству особъ. На возникшей улицѣ начали толпиться кружки, шли разговоры о славной, знаменательной для защиты Дуная, побѣдѣ. Въ 8-мъ часу вечера сдѣлалось общее движеніе; генераль Толстой вошелъ въ лагерь и направился къ Государю. Почернѣвши отъ пороха и пыли, изнеможенный суточнымъ боемъ и поспѣшностью ѣзды, онъ потерялъ голосъ и только шопотомъ могъ отвѣчать на вопросы Императора. Государь сѣлъ на скамейку и посадилъ Толстаго подлѣ себя для разспросовъ. Въ это время былъ введенъ Гасанъ-паша. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрое пальто грубаго сукна съ золотыми погонами, на которыхъ блестяли двѣ звѣздочки. Представъ передъ Государемъ, онъ поднесъ на секунду руку къ почернѣвшей фескѣ и остался недвижимъ. Ростомъ онъ небольшой, коренастаго тѣлосложенія; черты его правильны, носъ орлинообразный; глаза небольшіе, черные, отважные. Эти черные глаза, сверкавшіе какъ уголь изъ смуглаго и правильнаго лица, не опускались передъ величавой осанкой Императора. Чувство безсиьной злобы и подавленной гордости отражалось въ его мнимомъ спокойствіи. Онъ былъ похожъ на хищнаго звѣря, попавшаго въ западню. Государь обратился къ нему черезъ переводчика съ нѣсколькими вопросами относительно числительности и качества его войскъ. Выслушавъ краткіе, опредѣленные отвѣты, Государь кивнулъ головой, и паша былъ отведенъ въ особо уже .приготовленное для него помѣщеніе. О немъ рассказывали разнорѣчащіе слухи: иные утверждали, что онъ былъ извѣстенъ своею кровожадностью и злобствомъ; другіе же утверждали, что такой упрекъ относится къ другому Гасану-пашѣ Виддинскому. Злополучный защитникъ Никополя былъ вполне пораженъ величіемъ и простотою императорскаго пріема; онъ даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы пади-шахъ могъ быть одѣтъ какъ прочіе генералы и вопреки Турецкому обычаю двигался и разговаривалъ свободно.

Вечеръ этого дня ознаменовался и другимъ случаемъ, имѣвшимъ значеніе пророческое. Свиты ген.-маіоръ Толстой, не смотря на истому,

не соглашался идти къ отдыху. Онъ не столько распространялся о ходѣ военныхъ дѣйствій подъ Никоподемъ, сколько объ измучившихъ его предвидѣнїяхъ и предчувствїяхъ. Онъ говорилъ, что верстахъ въ сорока отъ ущелья, въ которое упирается Никополь, находится городокъ Плевна—узелъ разныхъ стратегическихъ дорогъ и что если этотъ узелъ не будетъ занятъ немедленно Русскими войсками, то слѣдуетъ ожидать неизбѣжныхъ и страшныхъ бѣдствїй. Онъ одинъ прозрѣвалъ будущность, и никто не могъ думать, что онъ оказывалъ государственную услугу своимъ дальновиднымъ предостереженїемъ. День, обильный впечатлѣнїями, уже кончался. Путники разбрелись къ покою, а Толстой все еще ходилъ по палаткамъ, гдѣ гасли огни, повторяя зловѣщїя слова: Берегитесь Плевны! Берегитесь Плевны!

На другой день, т. е. 5-го Юля во Вторникъ, день былъ снова безоблачный, знойный, душливо-утомительный. Не смотря на то, на полугорѣ, возвышавшейся надъ лагеремъ Цесаревича, поставлена была подъ палаткой походная церковь для совершенїя благодарственного молебствїя. Кругомъ выстроилось все наличное войско. По прибытїи Государя и великихъ князей молебствїе началось. Служилъ соборный протоіерей собора Зимняго дворца Никольскїй. Въ тотъ же день была еще назначена командировка, и совершилось событїе, о которомъ историкъ не можетъ умолчать. Великій князь Сергїй Александровичъ получилъ приказанїе оставить Императорскїй лагерь и состоять при арміи, предводимой Цесаревичемъ. Государь подвергалъ военнымъ трудамъ и опасностямъ своего четвертаго сына, едва перешедшаго отъ отрочества къ возрасту юноши. И передъ такой жертвой христіанскому сподвижничеству и державному отчизнолюбію не остановилось нѣжное родительское сердце. Въ этотъ вечеръ многое было понято, многое прочувствовано безъ словъ. Вечеръ стоялъ тихій. Вдали пылало зарево пожара.

Объ этой командировкѣ мнѣ объявилъ вечеромъ Государь съ очень грустнымъ лицомъ. Я былъ пораженъ этимъ извѣстїемъ, ибо былъ увѣренъ, что Сергїй Александровичъ будетъ все время въ главной квартирѣ при Государѣ, что я считалъ для него наилучшимъ. Государь, видя мое смущенїе и удивленїе, видимо тоже изумился и сказалъ мнѣ съ грустью: Развѣ ты этого не зналъ?—Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я ему, я этого не зналъ. Тоже самое удивленїе выразилъ мнѣ и Наслѣдникъ, который по просьбѣ Сергїя Александровича и выпросилъ это назначенїе брату у Государя. Наслѣдникъ зналъ мою близость къ Сергїю Александровичу, мою любовь къ нему и заботы о немъ и какъ онъ былъ счастливъ до сей поры въ обществѣ. И онъ былъ удивленъ,

что Сергій Александровичъ сдѣлалъ такой шагъ, даже не сказавъ мнѣ предварительно о томъ ни слова! И меня этотъ поступокъ Сергія Александровича очень огорчилъ.

Дѣло было въ томъ, что онъ хотѣлъ дѣйствительнаго участія въ войнѣ и опасался, что, оставаясь при Государѣ въ главной квартирѣ, онъ ни въ какихъ дѣлахъ участвовать дѣйствительно не будетъ, а его душа жаждала подвиговъ. Онъ зналъ, что мое желаніе было, чтобы онъ оставался при Государѣ, что и для Его Величества это было бы большимъ утѣшеніемъ и поэтому и устроилъ эту командировку въ тайнѣ отъ меня. Но это было нехорошо, потому что онъ зналъ меня достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что, не смотря на мое желаніе, я бы понялъ его стремленіе и не сталъ бы ему противиться; но уже въ это время Сергій Александровичъ хотѣлъ летать собственными крыльями, и мое иго, не смотря на то что было и легко, и могу сказать ему на „благо“,—все таки начинало ему быть тягостнымъ. Этому содѣйствовало вліяніе Константина Константиновича и его друзей, хотя безъ всякой ко мнѣ враждебности, но дѣйствовавшего на него своимъ примѣромъ, такъ какъ Константинъ Константиновичъ нравственно тогда уже вышелъ изъ подъ вліянія своего воспитателя Ильи Александровича Зеленаго, который, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, нравственнаго вліянія на него и имѣть не могъ. Этому тоже способствовало вліяніе нѣкоторыхъ дамъ въ кружкѣ Императрицы, которыя льстили Сергію Александровичу, зная его близость къ ней и, чтобы имъ лучше овладѣть, старались ослабить его довѣріе и уваженіе ко мнѣ и всячески отдалить его отъ меня, въ чемъ и успѣли. Я долженъ былъ подчиниться положенію, котораго я не могъ измѣнить, и отношенія мои къ Сергію Александровичу хотя были уже не тѣ, что прежде, но оставались хорошими до конца. Онъ меня все таки любилъ, и большая привычка поддерживала прежнюю интимность со мною. Онъ могъ со мною говорить откровенно о всемъ и всѣхъ, зналъ мою любовь и преданность къ Императрицѣ и Государю и находилъ въ этихъ отношеніяхъ себѣ часто отраду, поддержку и успокоеніе. Но его сокровенное, внутреннее я уже не было мнѣ совершенно открыто, и внутренне онъ уже теперь жилъ самъ по себѣ.

И такъ мы съ Сергіемъ Александровичемъ перебрались въ „Русцукскій отрядъ“ Наслѣдника Цесаревича, который со своимъ штабомъ и свитой находился въ *Оберъ-Теникъ*, верстахъ въ 15-ти отъ Главной Квартиры Государя. Первое лицо при Наслѣдникѣ былъ теперь начальникъ его штаба генераль Петръ Семеновичъ Ванновскій, до сего бывшій командиромъ 12-го армейскаго корпуса. Наслѣдникъ только начи-

налъ съ нимъ знакомиться и привыкать къ нему. Ванновскій былъ ему еще совершенно чуждъ въ интимной жизни, но въ дѣлахъ службы, съ самаго начала онъ умѣлъ внушить Цесаревичу уваженіе, расположеніе, *довѣріе* къ своему уму, военнымъ свѣдѣніямъ и дѣйствіямъ, а равно и къ своей энергіи и настойчивости. Это расположеніе Цесаревича къ генералу Ванновскому все болѣе укрѣплялось во время войны и хотя по окончаніи ея Ванновскій не сдѣлался приближеннымъ чело-вѣкомъ къ Цесаревичу и еще менѣе къ Цесаревичу, но по вступленіи Александра Александровича на престоль, молодой Государь вскорѣ призвалъ его къ обязанности военнаго министра, которую Ванновскій и исполнялъ во все его царствованіе и, должно сказать, съ отличнымъ успѣхомъ: армія, крѣпости, вооруженіе и всѣ части военной администраціи въ царствованіе императора Александра III-го находились въ величайшемъ порядкѣ и благоустройствѣ. Но теперь, въ первое время своего назначенія начальникомъ штаба, генералъ Ванновскій еще только присматривался къ Цесаревичу и старался поставить себя съ нимъ на должную ногу. И я долженъ отдать ему справедливость: онъ старался занять при немъ должное положеніе, соблюденіемъ своего достоинства начальника штаба, т. е. совѣтника и главнаго помощника и внушеніемъ къ себѣ уваженія какъ чело-вѣку, чего онъ и достигалъ, нисколько не заискивая въ благорасположеніи Цесаревича и не стараясь втереться въ его интимность. И это именно и нравилось благородной и чистой натурѣ Цесаревича.

Цесаревичъ и вся его свита помѣщались въ палаткахъ, и палатка великаго князя Сергія Александровича стояла рядомъ съ палаткой Цесаревича, а кругомъ палатки его адъютантовъ и главныхъ лицъ его штаба. Моя палатка пришлась рядомъ съ палаткой генерала Ванновскаго и, стояла не подалеку, но нѣсколько въ сторонѣ отъ палатокъ Цесаревича и Сергія Александровича и, въ слѣдствіе этого близкаго сосѣдства, я скоро очень хорошо познакомился съ генераломъ Ванновскимъ; когда я къ нему приходилъ, онъ меня задерживалъ у себя и приглашалъ чаще къ нему приходить. Мое положеніе въ Рущукскомъ отрядѣ, какъ состоящаго при Сергіѣ Александровичѣ, было совсѣмъ особенное: у меня не было никакого участія служебнаго въ отрядѣ, я былъ, такъ сказать, делегатомъ Государя при Сергіѣ Александровичѣ и въ полномъ смыслѣ „*попечителемъ*“ его, какъ офиціально я и числился. По этому всѣ лица окружавшія Наслѣдника относились ко мнѣ очень хорошо, зная, что я ничего тутъ не ищю и ничего не олимпиаю. При Цесаревичѣ находился теперь и генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ; уже въ это время онъ былъ начальникомъ штаба гвардей-

скаго корпуса, находившагося еще въ Петербургѣ. Всѣ думали, что онъ будетъ имѣть большое вліяніе на дѣятельность „Русскаго отряда“, но этого не было. Ванновскій сначала этого очень опасался и смотрѣлъ на графа Воронцова съ подозрительностью и опасеніемъ, но Цесаревичъ поставилъ управленіе на должную ногу и хотя графа Воронцова и призывали въ совѣщанія Цесаревича и Ванновскаго, но сей послѣдній умѣлъ сохрѣнить вполнѣ свое положеніе и быть вполнѣ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть начальникъ штаба, особенно въ военное время. За симъ при Цесаревичѣ состоялъ генераль-адъютантъ Стюрлеръ, шталмейстеръ его двора. Наслѣдникъ былъ къ нему очень расположенъ, и Стюрлеръ, можно сказать, былъ душою общества. Человѣкъ свѣтскій, остроумный, прекрасный разказчикъ, подъ часъ балагуръ и шутникъ, онъ былъ гораздо старше лѣтами и Цесаревича, и всѣхъ его адъютантовъ. Офицеръ съ 1846-го года, онъ былъ вскорѣ назначенъ флигель-адъютантомъ императора Николая Павловича и очень имъ любимъ. Разказы Стюрлера объ этомъ времени всѣхъ очень интересовали. Стюрлеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всю жизнь собираются что-то сдѣлать, но при этомъ и остаются. Наслѣдникъ считалъ его прекраснымъ и благороднымъ человѣкомъ, но ни къ какому серьезному дѣлу неспособнымъ. Таковъ онъ и былъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ благородный, прекрасный и добрый человѣкъ и въ тоже время очень своеобразный. Между прочимъ у него были какія-то случайныя симпатіи и антипатіи. Предметомъ первыхъ былъ въ это время полковникъ Мартыновъ, адъют. Цесаревича (изъ казаковъ), и вскорѣ послѣ войны Стюрлеръ, видя, что шталмейстерская часть у него не идетъ успѣшно, ископатывалъ эту должность поручить Мартынову и вскорѣ послѣ этого съ нимъ на всегда поссорился. Предметомъ же антипатіи Стюрлера во время войны былъ докторъ Гриммъ, временно состоявшій главнымъ докторомъ Русскаго отряда, и всѣ катались со смѣха, когда Стюрлеръ при каждомъ вмѣшательствѣ Гримма въ разговоръ, даже при всякомъ его приближеніи къ себѣ, дѣлалъ нервное движеніе, отвращенія и досады. Адъютантами Цесаревича въ это время состояли графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ, о которомъ я уже говорилъ выше, князь Владимиръ Бяратинскій, Владимиръ Шереметевъ, князь Владимиръ Оболенскій, графъ А. В. Олсуфьевъ, полковникъ Василевскій, завѣдывающій хозяйствомъ и вышеупомянутый Мартыновъ. Всѣ они были прекрасные люди, жившіе между собою очень дружно, и между ними никогда не было никакихъ ни ссоръ, ни интригъ; одинъ Мартыновъ былъ человѣкъ къ этому двору не подходящій, онъ былъ вполнѣ не воспитанъ и, по природѣ, грубъ. Наслѣдникъ взялъ его въ адъютанты по ходатайству генераль-адъютанта Черткова, наказнаго ата-

мана войска Донскаго во время одного изъ своихъ посѣщеній земли Донскаго казачьяго войска.... И въ концѣ концовъ Мартыновъ не удержался при дворѣ Его Величества и былъ удаленъ уже въ царствованіе Александра Александровича; его сдѣлали *сенаторомъ*, и тутъ вспоминали стихи Державина: „Калигула—твой конь въ сенатъ!“ Но честолюбіе Мартынова страдало отъ этого удаленія, и онъ умеръ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра III-го.

Комендантомъ квартиры Цесаревича былъ генераль Зарубаевъ. Его всѣ очень любили; онъ былъ очень благородный, добрый человекъ, строгій служака, но циникъ и любящій выпить; онъ часто смѣшил своими очень оригинальными по своему цинизму анекдотами. Вотъ и весь штабъ Цесаревича, съ которымъ я прожилъ очень дружно и хорошо все время нахождения моего на войнѣ, т. е. до 12-го Октября, въ продолженіи слишкомъ 4-хъ мѣсяцевъ. Ко мнѣ Цесаревичъ былъ неизмѣнно добрѣ и любезенъ, но хотя я его зналъ съ самаго моего поступленія ко двору и даже раньше, а именно съ 1859-го года, когда по возвращеніи моемъ изъ кампаніи въ Среднюю Азію воспитатель Ихъ Высочествъ генераль Зиновьевъ приглашалъ меня нѣсколько разъ къ великимъ князьямъ своимъ воспитанникамъ, но я никогда не былъ особенно къ нему близокъ. Къ тому же я принадлежалъ къ большому двору, котораго Наслѣдникъ не любилъ и отъ котораго держался дальше.

Утромъ всѣ приходили пить чай въ большую столовую палатку, получившую послѣ войны историческое значеніе. Эту палатку Цесаревичъ велѣлъ привезти въ Петербургъ и сохранять у себя. Со слѣдующаго же года, 30-го Ноября, лица составлявшія свиту Цесаревича во время войны, устраивали въ этотъ день *ужинъ*, иногда въ Гатчинѣ, и почти всегда въ залѣ ужина ставилась эта палатка; ужинъ происходилъ въ ней, и сигналъ къ ужину подавали тотъ же что къ обѣду во время войны. Цесаревичъ, будучи и Государемъ, всегда съ удовольствіемъ бывалъ на этихъ ужинахъ... Собирались въ 9^{1/2} часовъ, играли въ карты, а кто въ шахматы, а потомъ по сигналу шли ужинать и сидѣли до 2-хъ 3-хъ часовъ ночи, въ воспоминаніяхъ о войнѣ и разговорахъ. Эти ужины продолжались ежегодно до предпослѣдняго года жизни Государя Александра Александровича. Сергій Александровичъ и я всегда на нихъ приглашались и сохранили о нихъ самое пріятное воспоминаніе.

На войнѣ мы приходили въ эту палатку въ полдень къ завтраку, послѣ чего, если не было поѣздки, осмотра частей войска или части полей

или позиціи, всё сидѣли у себя, ибо жара была страшная; когда же жаръ спадалъ, то Наслѣдникъ со всѣми адъютантами, Сергіемъ Александровичемъ и со мною ходилъ дѣлать большую прогулку пѣшкомъ. Онъ ходилъ ровнымъ, довольно скорымъ шагомъ, и мы дѣлали обыкновенно верстъ не менѣе десяти. Я помню, что во время одной изъ такихъ прогулокъ мы проходили черезъ Турецкое кладбище и, глядя на магометанскіе монументы („столбы вѣнчанные чалмою“) Цесаревичу пришло въ голову перевезти одинъ изъ этихъ памятниковъ въ Царское Село, и такъ какъ Сергій Александровичъ пожелалъ тоже одинъ изъ этихъ памятниковъ перевезти въ Царское Село на островокъ фермы, гдѣ онъ постоянно пребывалъ, то я и взялся это сдѣлать, что и исполнилъ. И теперь одинъ изъ этихъ памятниковъ стоитъ въ саду Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, а другой, привезенный для Сергія Александровича, стоитъ осѣненный туюю (нашимъ сѣвернымъ кипарисомъ) на островкѣ Царскосельскаго большого парка.

Обѣдать всё собирались съ Его Высочествомъ въ той же палаткѣ въ 8 часовъ и послѣ обѣда долго тамъ сидѣли, разговаривали, а потомъ нѣкоторые играли въ шахматы, но карточной игры не было. Около полночи Цесаревичъ приходилъ въ столовую палатку ужинать, и такъ какъ въ это время большая часть свиты уже спала, то у насъ установилось негласное дежурство, по которому одинъ или два человѣка изъ свиты, и въ томъ числѣ и Сергій Александровичъ, постоянно въ это время приходили въ столовую палатку для компаніи Цесаревичу, что всѣмъ, всегда было очень пріятно, такъ Цесаревичъ былъ добръ, ровень и простъ въ обращеніи и, скажу прямо, всѣми любимъ и почитаемъ. Въ одинъ изъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Рущукскомъ отрядѣ, Цесаревичъ объявилъ своимъ адъютантамъ, что онъ будетъ ихъ „по очереди“ посылать къ войскамъ, когда „тамъ что нибудь будетъ“ и сказалъ Сергію Александровичу, что и онъ вступитъ въ очередь съ его адъютантами.

Когда всё разошлись, я пошелъ въ палатку къ Ванновскому и объяснилъ ему, что неосторожно ставить Сергія Александровича въ такую очередь, такъ какъ этимъ можно безъ нужды подвергнуть его большой опасности, чѣмъ и Государь будетъ очень недоволенъ. Другое дѣло, сказалъ я, если бы происходило сраженіе, въ которомъ бы онъ долженъ былъ бы принять участіе или что нибудь въ этомъ родѣ. Вѣдь мы обязаны для Государя и Императрицы сколько можно оберегать великаго князя и не подвергать его опасности на равнѣ съ субалтернъ-офицерами и адъютантами. Ванновскій вполне согласился со мною и общалъ мнѣ уговорить Наслѣдника измѣнить его рѣшеніе, что онъ

и сдѣлалъ въ тотъ же день, такъ что на слѣдующее утро Цесаревичъ объявилъ своему младшему брату, что онъ не будетъ въ очереди съ адъютантами, что онъ предоставляетъ себѣ давать ему порученія по своему усмотрѣнію и что онъ будетъ дѣлать нѣкоторыя поѣздки по позиціямъ съ генераломъ Ванновскимъ, и дѣйствительно такихъ поѣздокъ и совершалось во все время двѣ или три.

Но въ эти первые дни нашего пребыванія въ Оберъ-Теникѣ, въ отрядѣ Цесаревича, въ положеніи нашихъ военныхъ дѣлъ произошла неожиданная и большая перемѣна, сдѣлавшая войну гораздо болѣе кровопролитною и затянувшая ее на долгое время. У насъ на глазахъ неожиданно выросла *Плевна*. Вотъ какъ описываетъ эти грустные событія въ своемъ Дневникѣ графъ Сологубъ.

„Послѣ завтрака, 9 Юля, Государю угодно было осмотрѣть пѣхотный лагерь 2-й бригады 1-й дивизіи 13-го корпуса, находившагося подъ главнымъ начальствомъ Цесаревича. Новая бригада замѣнила бригаду корпуса князя Шаховскаго, до того времени прикрывавшую императорскій походъ и направленную къ другому назначенію. Едва Государь, окруженный свитою, успѣлъ сѣсть на коня, какъ Его Величеству подали донесеніе изумительнаго свойства и прискорбнаго. Въ мѣстѣ, гдѣ соединяются дороги изъ Виддина и изъ Софіи съ дугообразнымъ путемъ изъ Никополя на Тырново (преддверіе Балкановъ) находится уже поименованный Болгарскій городокъ Плевна, образующій, очевидно, по своему положенію, немаловажный стратегическій пунктъ. Занятіе Русскими Плевны было рѣшено при общемъ планѣ кампаніи и въ краѣ, почти исключительно населенномъ Болгарами, въ отдаленіи Турецкихъ войскъ, оберегавшихъ съ одной стороны Виддинъ, съ другой Рущукъ, повидимому не представляло особаго затрудненія. Соучастникъ Никопольскаго штурма, свиты г.-м. Толстой, свидѣтельствовалъ, что 3-хъ баталіоновъ будетъ достаточно на занятіе города. Часть Владикавказскаго казачьяго полка заняла было его и расположилась даже на отдыхъ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ появились массы Турокъ, открыли убійственный огонь и заставили нашихъ поспѣшно отступить. Командующій 9-мъ корпусомъ баронъ Криденеръ отрядилъ за тѣмъ три полка 5-й дивизіи подъ начальствомъ Шильднеръ-Шульднера. Отрядъ нашелъ позицію непріятеля укрѣпленною и встрѣтилъ сопротивленіе, котораго никто не ожидалъ; тѣмъ не менѣе онъ достигнулъ своей цѣли и началъ тоже располагаться на Плевненскихъ улицахъ, какъ вдругъ, точно изъ земли, поднялась цѣлая Турецкая армія, осыпавшая наступившихъ непрерывнымъ вихремъ пуль и картечей. Противъ такой

громадной силы, противъ непріятеля, опредѣленнаго съ перваго взгляда въ 40.000 человекъ сплошнаго войска и вполсѣдствіи оказавшагося въ 70.000, оставалось только отступитъ. Еслибы непріятель преслѣдовалъ Русскихъ, ни одинъ изъ нихъ не вышелъ бы живой изъ огня, какъ въ памятную на Кавказѣ Сухарную экспедицію. Но Турки не преслѣдовали и остановились неподвижно въ предѣлахъ воздвигнутыхъ уже ими неприступныхъ укрѣпленій. Самое событіе изобличало новую сторону значенія завязавшейся войны. Внезапно появившіяся на нашемъ правомъ флангѣ Турецкія войска могли быть оттянуты, очевидно, только изъ подъ Виддина, откуда они опоздали на защиту Никополя, изъ остатковъ Никопольскаго гарнизона, изъ Рахова и изъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Черногорцевъ. При нормальномъ ходѣ войны Румынія и Сербія имѣли бы принять самое дѣятельное участіе въ военныхъ операціяхъ, такъ какъ выгода отъ побѣды относилась къ Румыніи и Сербіи несравненно болѣе, чѣмъ къ Россіи. Но Сербія, возбуждившая борьбу, была устранена отъ борьбы, благодаря политическимъ опасеніямъ нашей сосѣдки Австріи и недостатку денежныхъ средствъ. Ея прямымъ естественнымъ призваніемъ было бы овладѣніе Софіею и во всякомъ случаѣ, по возможности, охраненіе нашего праваго фланга; но въ собственномъ дѣлѣ, жертвою своей торопливости въ дѣлахъ войны и мира, Сербія вынуждалась еще къ бездѣйствію. Съ другой стороны Румынія имѣла болѣе опредѣленную роль. Объявившій Турціи войну, Турецкій вассаль, принцъ Карлъ Румынскій, родственникъ Германскаго императора, имѣлъ въ виду независимость своего края и кромѣ того пріобрѣтеніе Задунайской крѣпости Виддина, ключа дальнѣйшей защиты отъ опаснаго сосѣда. Такимъ образомъ обложеніе, осада и штурмъ крѣпости предоставлялись Румынамъ, что уже вполне охраняло нашъ правый флангъ отъ сильныхъ и неожиданныхъ нападений непріятеля. Никополь и проходъ черезъ Балканы былъ уже взятъ нами съ боя, а сорокатысячная Румынская армія все не переходила Дуная, не была еще готова помѣриться ни съ грозной крѣпостью, ни съ оберегающими ея войсками. Такимъ непредвидѣннымъ бездѣйствіемъ Румынъ и объясняется, ускользнувшая отъ возможныхъ соображеній, Плевненская неудача. Такимъ образомъ Русская держава на своемъ воинствующемъ пути встрѣчала затрудненія не только отъ непріятеля, но еще отъ союзниковъ и отъ соучастниковъ. Разнесся слухъ, что въ числѣ Никопольскихъ плѣнныхъ обнаружилось болѣе 100 Англичанъ. Въ Плевнѣ изумила мѣткость Турецкихъ пушечныхъ залповъ, явно направленныхъ искусными артиллеристами. Изумила также непрерывность ружейнаго батальнаго огня. Каждый Турецкій пѣхотинецъ имѣетъ при себѣ до 200 патроновъ и ружье бьющее на 2000 шаговъ.

Стрѣляетъ онъ большею частью безъ прицѣла черезъ плечо или прикладывая ложе ружья на руку. Такимъ образомъ онъ безостановочно мѣняетъ патроны и выпускаетъ выстрѣлы на удачу по данному направленію, что образуетъ свинцовый сплошной дождь, сокрушительнѣе и убійственнѣе правильной стрѣльбы. Но кто обучилъ ихъ такому приему, кто снабдилъ ихъ такими ружьями и такимъ изобиліемъ снарядовъ—въ томъ, кажется, сомнѣнія быть не можетъ. Война 1877 г. докажетъ міру, до какой степени боязнь за вещественные интересы можетъ заглушать совѣсть. Здѣсь нельзя не упомянуть еще о грустномъ обстоятельстве, что жившіе въ Плевнѣ, за исключеніемъ одного священника, Болгары, объятые ужасомъ, не успѣли извѣстить ближайшихъ Русскихъ военно-начальниковъ, пришедшихъ для ихъ спасенія, о прибытіи Турецкихъ массъ изъ-подъ Виддина. Турки предпринимали новый родъ войны, если не достославный по отвагѣ, то выгодный по осторожности, постоянно скрываясь за окопами и потѣшая свою злобу дѣйствіями, окончательно оправдывающими войну. И въ минуту своей легкой побѣды они не преминули ругаться надъ трупами и умерщвлять раненыхъ мучительною медленною смертью. Прочитавъ донесеніе о неудачной экспедиціи генерала Шильднеръ-Шульднера, Государь подозвалъ къ себѣ за день прибывшаго въ штабъ Румынскаго генерала, князя Гику, и приказалъ ему немедленно отправиться къ принцу Карлу съ изъявленіемъ Императорскаго неудовольствія за медлительность Румынской арміи. За тѣмъ смотръ войскъ совершился обычнымъ порядкомъ. За вечернимъ чаемъ прибылъ ординарецъ командующаго 14 корпусомъ г.-л. Циммермана, артиллерійскій поручикъ Гершельманъ, съ донесеніемъ о занятіи Кюстенджи, Черноводъ и Траянова вала. Государь спрашивалъ при всѣхъ пріѣзжаго офицера и милостиво выслушивалъ его краткіе и обстоятельные отвѣты. Такимъ образомъ въ одинъ день императорское мѣстопробываніе три раза мѣняло свои впечатлѣнія: утромъ, происходило въ общемъ шатрѣ благодарственное молебствіе за взятіе Шипки и Казанлыка; въ полдень пришло печальное извѣстіе о Плевненской неудачѣ; вечеромъ снова доставлены утѣшительныя свѣдѣнія. Таковы превратности войны. Къ ночи князь Гика выбылъ изъ лагеря. 14 Іюля. Четвергъ. 14 Іюля ф.-адъютантъ Горяиновъ былъ посланъ въ Оберъ-Теникъ, къ Цесаревичу для передачи важныхъ бумагъ. Можно сказать, что въ воздухѣ вѣяло какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ. Въ Главной Квартирѣ мелькали задумчивыя лица, шептались кружки, шли толки, что къ Плевнѣ собираются свободныя части 9-го корпуса ген.-лейт. барона Криденера, 1-я бригада 11-го корпуса подъ предводительствомъ корпуснаго командира, ген.-лейт. князя Шаховскаго, и головная дивизія приближающа-

гося изъ Румыніи 4-го корпуса ген.-лейт. Зотова. Насчитывалось до 27.000 штыковъ при грозной силѣ 165 орудій. Но достаточна ли была числительность войска для одолѣнія искусныхъ фортификаціонныхъ работъ; но будутъ ли орудія имѣть возможность широко развернуть свой огонь, вотъ въ чемъ заключались сомнѣнія и безпокойства. Одинъ Государь, повидимому, находился совершенно спокоенъ. Во время собраній къ высочайшему столу онъ благосклонно изволилъ слушать по прежнему неистощимо веселые и остроумные рассказы своего даровитаго и боеваго ген.-адъют. князя Эмиля Витгенштейна-Зайнъ-Берлебурга и продолжалъ самъ принимать участіе въ разговорѣ, не переставая впрочемъ обращаться къ присутствующимъ съ вопросами, относящимися до военныхъ дѣйствій“.

Вечернія чтенія продолжались почти каждый день, при чемъ Государь дѣлалъ иногда краткія замѣчанія. Такъ, на примѣръ, при выслушиваніи газетной статьи, въ которой упоминалось о секретномъ союзѣ, заключенномъ между Россією и Италією, Государь слегка наклонился и промолвилъ: „Очень пріятно объ этомъ узнать“. Въ другой иностранной статьѣ выражалось дерзкое ожиданіе, что Русскій Императоръ будетъ вынужденъ бѣжать съ своимъ босоногимъ войскомъ. При этомъ Государь отозвался: „Какъ вѣжливо!“ Наконецъ въ двухъ другихъ статьяхъ было еще сказано, что война въ настоящее время труднѣе чѣмъ прежде... и что нынѣ Россія ведетъ войну собственно не съ Турками, а съ Англією. При этихъ двухъ отзывкахъ Государь повторилъ: „Правда! Правда!“

15 Іюля, Пятница, по случаю тезоименитства Великаго Князя Владимира Александровича въ большомъ шатрѣ было отслужено молебствіе. За тѣмъ Государь спросилъ: нѣтъ ли въ числѣ присутствующихъ именинниковъ и узнавъ, что въ этотъ день празднуютъ свои именины князь Меншиковъ и графъ Сологубъ, изволилъ милостиво ихъ поздравить. Послѣ завтрака произведенъ высочайшій смотръ расположеннаго на позиціи 1-го баталіона Копорскаго полка. Сопровождало только дежурство. За полдень прибылъ въ главную квартиру адъютантъ корпуснаго командира барона Криденера, капитанъ Беклемишевъ, изъ подъ Плевны. Пріѣхалъ онъ верхомъ на прямикъ по компасу, совершивъ около 70-ти верстъ почти безостановочно на добромъ своемъ конѣ. Представивъ Его Величеству донесенія корпуснаго командира и вѣдомость о выбывшихъ изъ строя при Плевнѣ, число коихъ простиралось до 3,000, Беклемишевъ былъ осыпанъ вопросами со стороны императорской свиты. Изъ отвѣтовъ оказалось, что Турокъ собранныхъ подъ Плевной было не 40,000, а 70,000, что они расположились

укрѣпленнымъ лагеремъ, имѣя въ тылу рѣку съ крутымъ берегомъ, а спереди три фаса террасообразныхъ верковъ, снабженныхъ пушками по угламъ и редутомъ посерединѣ. Разъѣздовъ они не высылали и наступательнаго движенія въ открытомъ полѣ, очевидно, въ виду не имѣли. Они, такъ сказать, вызывали на штурмъ, причемъ ихъ числительное превосходство и почти неприступная позиція представляли имъ надъ Русскимъ отрядомъ преимущества громадныя, тѣмъ болѣе, что самый составъ отряда былъ немало убавленъ Никопольскою побѣдою и Плевненскою неудачею. Во всякомъ случаѣ, благодаря совершенному бездѣйствію Румынскаго союзнаго войска, начавшееся уже триумфальное шествіе къ Царьграду неожиданно затормозилось, и общій планъ кампаніи видоизмѣнился. Въ исторіи главную роль играетъ всегда непредвидимое. Возникшее препятствіе требовало или значительной проволочки времени или отважнаго, но рѣшительнаго удара. Впрочемъ, если судьба нашего праваго фланга возбуждала серьезныя опасенія, то со стороны лѣваго фланга ничего рѣшительнаго не опредѣлялось. И тутъ Турки сохраняли систему оберегательнаго выжиданія. Идти штурмомъ на Рускукъ значило бы дѣйствовать по ихъ желанію и во всякомъ случаѣ вытерпѣть уронъ огромный, то есть, въ одно время поколебать оба крыла наступающей арміи и подвергнуть случайностямъ ея базисъ на Дунай. Послѣ рекогносцировки, произведенной Великимъ Княземъ Владимиромъ Александровичемъ, воспослѣдовало со стороны арміи Цесаревича авангардное дѣло подъ командою ген.-адъют. графа Воронцова-Дашкова. По слухамъ, Турки понесли чувствительную потерю, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, въ лицѣ Азисъ-паши, начальника ихъ штаба. Трупъ его былъ узнавъ по найденнымъ на немъ бумагамъ. У Русскихъ выбыло изъ строя до 300 человекъ. Послѣ пріѣзда ротмистра Беклемишева въ главную-квартиру прибылъ адъютантъ Цесаревича, капитанъ графъ Олсуфьевъ, съ донесеніемъ о бывшемъ дѣлѣ. За обѣдомъ Государь объявилъ своему фл.-адъют., Георгіевскому кавалеру, полковнику Шлиттеру, воину испытанному на Кавказѣ, что онъ назначается командиромъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка. Полкъ сильно пострадалъ подъ Плевной, а новый его начальникъ, коего два брата были убиты на войнѣ и котораго тоже ожидала геройская смерть, тотчасъ же послѣ стола выбылъ къ своему новому назначенію.

20 Іюля Среда. 20 Іюля, послѣ отбытія главнокомандующаго по направленію на Плевну, Государь вышелъ къ завтраку и, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ съ улыбкою: „Сегодня въ Петербургѣ большая радость. Я телеграфировалъ, чтобъ гвардія, кромѣ кирасиръ, немедля выступала на Дунай. Однимъ кирасирамъ горе“. Но не только

гвардія была выписана, были выписаны еще части изъ Польши и другихъ мѣстъ, такъ что итогъ вытребованнаго подкрѣпленія простирался до 180,000 человекъ. Плевненскія оба дѣла были собственно не пораженіями, такъ какъ они не измѣняли общаго хода дѣлъ, а поученіями, коими слѣдовало воспользоваться немедленно. Но это могъ исполнить только самъ Императоръ. Понесенныя при Плевнѣ неудачи и потери указывали неопровержимо на слабую сторону Русскихъ военныхъ операцій, то есть на недостаточность численности войскъ. Наступительныя, быстрыя и прочныя движенія требовали напора цѣлой массы. Съ другой стороны нельзя было не оберегать базиса арміи, т. е. Дуная, которому очевидно должны были угрожать двѣ Турецкія арміи: одна съ нашего лѣваго фланга, которая и была уже въ сборѣ между Османъ-Базаромъ и Разградомъ; другая же, опоздавшая къ защитѣ Никополя, грозно и выжидательно на правомъ флангѣ укрѣпилась въ Плевнѣ. Наконецъ, центръ Турецкой арміи долженъ былъ естественно сосредоточиваться за Балканами, чтобы встрѣтить непріятеля въ дефилеяхъ и на равнинѣ въ случаѣ дорого купленной Русскими побѣды въ горахъ: за тѣмъ обѣ стерегуція арміи ударили бы въ тылъ наступателей и отрѣзали бы имъ отступленіе, что привело бы если не къ рѣшительному пораженію Русскихъ, съ которыми сладить не легко, то къ значительному перевѣсу со стороны Турокъ и къ блистательному для нихъ окончанію кампаніи. Такой планъ обрисовывался ясно, и Плевненская твердыня, постоянно расширявшаяся въ неприступныхъ укрѣпленіяхъ, безмолвно указывала на необходимость едва ли осуществимаго приступа.

Было намъ жестокимъ ударомъ и занятіе въ слѣдъ за нею Турками Ловчи, что всѣхъ насъ огорчило. 27-го Іюля у Государя былъ военный совѣтъ, въ которомъ участвовали Цесаревичъ, главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, военный министръ и генералъ Нипокойчицкій. На этомъ совѣтѣ было рѣшено гвардію вызвать немедленно изъ Петербурга на театръ войны и еще дивизію изъ Кавказскаго военнаго округа. До прихода означенныхъ подкрѣпленій наши наступительныя военныя дѣйствія должны были быть приостановлены, и только тогда надо было прежде всего взять Плевну, и потомъ уже армія, перейдя за Балканы, могла двинуться къ Константинополю, между тѣмъ какъ отрядъ Наслѣдника долженъ былъ осаждать Русуку, а остальное войско оставлено въ Сѣверной Болгаріи охранять нашъ тылъ и оберегать сообщеніе арміи съ Россіей. Одновременно было рѣшено, что Румынская армія приметъ дѣятельное участіе въ осадѣ Плевны и что принцъ Румынскій будетъ начальникомъ своей арміи и

всего отряда осаждающаго Плевну. Въ это же время окончательно выяснилось, что Государь продолжитъ свое пребываніе въ арміи. Онъ самъ желалъ съ самаго начала оставаться при арміи во все время войны, по примѣру горячо любимаго имъ дяди Германскаго императора; но окружающіе Государя, начиная съ ближайшаго его совѣтника графа А. В. Адлерберга, были совершенно другаго мнѣнія. Графъ Адлербергъ говорилъ ему постоянно, что Германскій императоръ вовсе ему не примѣръ и что не было ничего общаго между положеніемъ Германскаго императора, ставившаго во время Французской войны все царство свое на карту и положеніемъ нашего Государя въ этой войнѣ, и что, наконецъ, близость разстояній Германіи отъ Франціи и отдаленіе Русскаго Государя отъ своего отечества, въ которомъ постоянное присутствіе его такъ нужно, дѣлаютъ ихъ положенія совершенно различными. Всѣ мы, кругомъ Государя, сначала были увѣрены, что онъ останется въ арміи только до перехода ея черезъ Дунай и первыхъ удачныхъ нашихъ дѣйствій. И такъ, можетъ быть, оно и было бы, не случись *Плевны*. Но теперь дѣйствительно Государю было бы, какъ бы и неприлично, и недостойно увѣжать, и онъ рѣшился остаться, не смотря на все, что ему говорили и гр. Адлербергъ, и главнокомандующій, который тяготился присутствіемъ Государя на войнѣ, подъ предлогомъ, что оно требуетъ большаго отдѣленія войска для его охраны (что было совершенно несправедливо) и что присутствіе Государя стѣсняетъ самостоятельность дѣйствій главнокомандующаго, что во-первыхъ было съ одной стороны невѣрно, а во 2-хъ съ другой, присутствіе Государя было напротивъ благотворно, и это теперь и обнаруживалось, а именно: 18-го Іюля ознаменовалось событіемъ представляющимъ смыслъ особо знаменательный.

Состоящіе при Его Величествѣ военные агенты, Австрійскій баронъ Бехтольсгеймъ и Англійскій Велеслей, внезапно были изъ Главной Квартіры. Отъѣздъ ихъ согласовался, очевидно, съ дипломатическими соображеніями и свидѣтельствовалъ, какъ благотѣльно было присутствіе Его Величества въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій. Каждая рѣшительная мѣра возникала, такъ сказать, наглядно изъ самой сущности обстоятельствъ, безъ проволочки времени, безъ размѣна переписокъ и телеграммъ, всегда требующихъ объясненія и никогда не передающихъ истины въ полномъ ея свѣтѣ. Тутъ, какъ громъ за молніей, высочайшая воля могла непосредственно слѣдовать за каждымъ непредвидѣннымъ событіемъ. Другая благотѣльная сторона высочайшаго пребыванія за Дунаемъ заключалась въ томъ, что каждая заслуга была на виду и немедленно сопровождалась наградой, что еще

болѣе возбуждало усердіе готоваго на смерть войска. Кромѣ того Государь поставил себѣ священною обязанностью радѣть о раненыхъ, не только въ общихъ мѣрахъ, но личнымъ вниманіемъ, личными утѣшеніями. Страдалецъ получалъ при томъ высшую награду: царское спасибо за службу Царю. Послѣ рекогносцировки графа Воронцова-Дашкова привезено было 169 чел. раненыхъ въ 56-й военно-временный госпиталь, перенесенный уже изъ Павла на берегъ рѣки Янтры, у самаго входа въ село Бѣлу. Лейбъ-медикъ Боткинъ присутствовалъ при приѣмѣ привезенныхъ и былъ пораженъ ихъ усталымъ, страдальческимъ видомъ. „Я вернулся отъ этого зрѣлища, рассказывалъ нашъ знаменитый врачъ, съ тяжелымъ, печальнымъ чувствомъ. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ нѣсколько часовъ я снова посѣтилъ, но уже сопровождая Государя, госпиталь. Ни одного раненаго нельзя было узнать. Ни одного стона, ни одного вздоха не было слышно. Всѣ лица просвѣтлѣли. Всѣ взоры одушевились радостью и благодарностью. Прострѣленные въ ноги хотѣли держаться на ногахъ! Прежнее тяжелое чувство (прибавилъ С. П. Боткинъ) замѣнилось отраднымъ впечатлѣніемъ“. Этимъ однимъ уже объясняется причина высочайшаго присутствія за Дунаемъ. Государь знаетъ всю силу своего вліянія на свои войска. Счастливъ тотъ народъ, который умѣетъ еще любить и вѣрить. Во время своего пребывания въ с. Бѣлѣ Государь неоднократно посѣщалъ госпиталь, и каждое его посѣщеніе было радостью и ознаменовывалось милостью. Посѣщеніе 18 Іюля огорчило однако Государя тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть раненыхъ была прострѣлена нѣсколькими пулями. Этимъ доказывалось, до какой степени были часты непріятельскіе выстрѣлы и предвѣщались въ будущемъ значительныя потери въ численности людей. Съ другой стороны сердце Императора было глубоко утѣшено восторгомъ, преданностью и самоотверженіемъ воиновъ-страдалцевъ. Многимъ изувѣченнымъ Государь приказалъ наколотъ на рубахи знаки военного отличія. Награжденные крестились, плакали, цѣловали императорскія руки и полученные, священно-дорогіе имъ, кресты. Въ эту минуту душевнаго упоенія всѣ страданія забывались. Государь былъ видимо тронутъ.

20-го Іюля произошла наша новая неудачная попытка овладѣть Плевною. Вотъ какъ описываетъ это печальное событіе графъ Соллогубъ въ своемъ Дневникѣ пребыванія Государя въ арміи.

„Между тѣмъ нельзя было утаить, что положеніе императорской главной квартиры казалось нѣсколько опаснымъ. Изрѣдка даже шопотомъ говорили о возможности второго Седана. Нѣкоторые случайные гости села Бѣлы, вставая по утрамъ, на двѣ воронки своего лагеря

смотрѣли на окружающіе ихъ холмы, ожидая видѣть на нихъ Турецкія полчища. Другіе желали столкновенія, рѣшающаго войну. Третьи ничего не думали и не знали, но чѣмъ-то бессознательно тревожились. Одинъ Государь оставался спокоенъ и невозмутимъ. Въ дѣйствительности, опасности никакой не было, благодаря расчету и упорству Турокъ не выходитъ пока изъ своей земляной клѣтки. Кромѣ того Государя видимо подкрѣпляла глубокая вѣра въ волю Провидѣнія. Рассказывали, что онъ замѣтилъ одному изъ своихъ приближенныхъ: „Два раза въ меня стрѣляли, и я остался живъ. Стало быть, я еще на что-нибудь нуженъ“. Но какъ ни принималъ онъ на себя личину равнодушія, какъ ни выказывалъ онъ спокойствіе и даже веселость, нельзя было не чувствовать, что сердце его многолюбящее скорбѣло не о пораженіяхъ, которыхъ собственно не было, а о числѣ и мукахъ безцѣльно падавшихъ жертвъ. Такъ отецъ горюетъ о дѣтяхъ преждевременно утраченныхъ. Такое душевное настроеніе проявилось нѣсколькими словами. Когда, въ памятный день 20 Іюля, по прибытіи въ Главную Квартіру Козлова (бывшаго ординарцемъ генерала Криденера) пріѣхалъ, наконецъ, нетерпѣливо ожидаемый изъ подъ Плевны свиты г.-м. князь Имеретинскій съ донесеніемъ о случившемся, Государь долго его спрашивалъ въ своей палаткѣ и потомъ, вышедъ къ столу, говорилъ вѣстнику печали: „А я по твоей милости всю ночь не спалъ. Все тебя дождался“. И за столомъ Государь продолжалъ расспросы, на которые князь Имеретинскій отвѣчалъ съ безотрадною точностью. Послѣ обѣда его окружили штабные товарищи съ просьбой рассказать о ходѣ видѣнныхъ имъ событій. Рассказъ былъ мастерской и если бы молодой генералъ не былъ боевымъ дѣятелемъ, то онъ былъ бы, конечно, замѣчательнымъ военнымъ лѣтописцемъ. Сперва обрисовалъ онъ, такъ сказать, фотографически грозную позицію безсчетаго непріятеля, потомъ вычислилъ наши силы, рассказалъ о недоумѣніяхъ и колебаніяхъ наканунѣ боя, о военномъ совѣтѣ, о внезапной рѣшимости, о диспозиціи къ атакѣ, имѣвшей раздробиться при большомъ пространствѣ на три момента дня и на три самостоятельные отряда при малочисленности войска. Рассказчикъ отдалъ сперва полную справедливость свиты ген.-майору Скобелеву, который первый въ изолированной своей части вступилъ въ бой (въ 8 ч. утра) и послѣдній изъ него вышелъ, уже въ глухую ночь, прибравъ всѣхъ своихъ раненыхъ, отступая въ полномъ порядкѣ и выказавъ при томъ полное хладнокровіе, распорядительность и неустрашимость. Отдѣленный отъ него глубокимъ оврагомъ, корпусный командиръ князь Шаховской двинулся въ 9 часовъ утра съ одной бригадой своего корпуса на штурмъ лѣваго фаса непріятельской позиціи, на которой встрѣтилъ нѣсколько ярусовъ укрѣпленій, увѣнчанныхъ

редутомъ. При тѣсномъ пространствѣ артиллерія не могла выдвинуть достаточно орудій. Тѣмъ не менѣ князь Шаховской, повинувъ условленной диспозиціи, продолжалъ наступленіе, вытѣснилъ Турокъ изъ двухъ нависшихъ надъ нимъ укрѣпленій, а на третье бросился въ штыки. Но Турки, всегда прежде избѣгавшіе рукопашнаго боя съ Русскими солдатами, на этотъ разъ энергически выдержали напоръ и штыку отвѣчали штыкомъ въ смѣшавшихся крикахъ „Аллахъ“ и „Ура“. Князь Шаховской послалъ тогда просить барона Криденера о подкрѣпленіи, но подкрѣпленіе опоздало. Побѣда становилась невысказанною. Силы громадныя давили горсть оставшихся храбрецовъ, увидавшихъ, что достигнуть невозможнаго невозможно. Пришлось отступать, сперва въ порядкѣ, потомъ уже въ разсыпную. Безвинно виноватый князь Шаховской видѣлъ, какъ въ его глазахъ въ крови таяло его войско. Къ ночи въ кустарникахъ безпорядокъ сдѣлался страшный. Нельзя было спастись ни раненыхъ, замученныхъ Турками, ни снарядныхъ ящиковъ. Титановскія попытки не удаются. Съ своей стороны баронъ Криденеръ атаковалъ центръ непріятельской позиціи въ 2¹/₂ часа по полудни; но и недавній побѣдитель Никополя, не смотря на личную неустрашимость и усердіе своего отряда, натолкнулся на затрудненія непобѣдимыя со стороны непріятеля, уже ободреннаго первымъ успѣхомъ. И тутъ пришлось отступать, и ночь была свидѣтельницею суматохи неслышанной. Всѣ части смѣшались, отступление приняло видъ катастрофы. Уронъ на первый видъ казался огромнымъ, но опредѣлить его съ точностью не было еще возможности.

Между тѣмъ положеніе отряда Цесаревича, въ виду наступленія новаго главнокомандующаго Турецкой арміи Мехмедъ-Али съ превосходящими силами, дѣлалось небезопаснымъ, и 26-го Іюля Цесаревичъ отступилъ въ Бѣлую за Янтрой. Цесаревича это отступление очень огорчало и мучило, и онъ, проведя день въ Бѣлой и не слыша ничего о наступленіяхъ Турокъ, черезъ день снова перешелъ на другой берегъ Янтры на прежнюю позицію, гдѣ и оставалась его Главная Квартира. Томительный застой въ военныхъ дѣйствіяхъ продолжался. Государь въ это время пребывалъ со своей свитой въ селѣ Бѣлой и очень страдалъ тамъ, будучи нравственно и физически нездоровъ (катаральнымъ состояніемъ желудка, какъ страдали въ Бѣлой и многія лица изъ свиты Его Величества).

9-го Августа Сулейманъ-паша съ 24 тыс. отрядомъ напалъ на наши 11,000, занимавшихъ Шипкинскій перевалъ на Балканахъ. Нашъ отрядъ храбро и стойко выдержалъ нѣсколько отчаянныхъ приступовъ Турокъ, и Балканскія позиціи были нами удержаны, а на поддержку

нашимъ былъ посланъ генералъ Радецкій съ 20,000. Но всѣ эти дни безпокойство за нашу позицію на Шипкѣ и судьбу нашего тамошняго отряда у насъ было великое. Государь вызвалъ къ себѣ Сергія Александровича, и мы немедленно прибыли въ Горный Студень, гдѣ теперь была Главная Квартира Государя и гдѣ ему было гораздо лучше чѣмъ въ Бѣлой: воздухъ здѣсь былъ лучше и чище и помѣщеніе удобнѣе. Государь видимо страдалъ отъ безпокойства и неизвѣстности о томъ, что происходитъ на Шипкѣ и съ тревогою ожидалъ часто получаемыхъ оттуда донесеній. Онъ вызвалъ Сергія Александровича, чтобы послать его на Шипку, дать ему возможность принять участіе въ дѣлѣ, передать войскамъ слова благодарности Государя за ихъ геройство и раздать Георгіевскіе кресты; но съ Шипки извѣщали, что бой былъ отчаянный и кровопролитный, что наступленія Сулеймана повторялись непрестанно и что наконецъ хотя мы и удержали свою позицію на горѣ Св. Николая, но эта позиція обстрѣливалась Турками и всякій человѣкъ, только появляющійся на дорогѣ, былъ немедленно убиваемъ. Послѣ этого Государь отмѣнилъ свое намѣреніе посылать Сергія Александровича на Шипку, не желая подвергать его столь явной и большой опасности. Эта отчаянная борьба на Шипкѣ продолжалась нѣсколько дней, и только 17-го Августа Турецкая армія Сулеймана-паши, послѣ цѣлаго ряда отраженій, начала отступать, и наши Шипкинскія позиціи остались окончательно за нами.

Черезъ нѣсколько дней Сергій Александровичъ со мной возвратился въ Руцукскій отрядъ къ Цесаревичу, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. И Цесаревичъ тоже былъ очень радъ возвращенію своего брата, къ которому онъ въ это время очень привязался. Между Цесаревичемъ и Сергіемъ Александровичемъ была очень большая разница въ лѣтахъ, и такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ Цесаревичъ, женившись, сталъ жить въ Аничковомъ дворцѣ, братья даже и видѣлись довольно рѣдко, и на Сергія Александровича старшій братъ продолжалъ смотрѣть какъ на ребенка. Но теперь, видя его ежедневно, онъ сталъ его лучше узнавать и, теперь, когда онъ нравственно былъ совершенно изолированъ, Александру Александровичу было отрадно имѣть при себѣ брата, съ которымъ онъ могъ говорить попросту и, такъ сказать, отводить душу. Цесаревичу было отрадно увидѣть, что его младшій братъ былъ прекрасный юноша, нравственный, религіозный, интересующійся дѣломъ, серьезнаго ума, любящій чтеніе и умственныя занятія, очень благороднаго характера, при томъ очень добрый, скромный и умѣющій хорошо хранить сказанное ему по секрету, и съ большимъ тактомъ и выдержкою. Цесаревичъ сблизился въ это время съ Сергіемъ

Александровичемъ и сердечно его полюбилъ, а Сергій Александровичъ, который всегда любилъ Цесаревича и Цесаревну, сталъ просто обожать старшаго брата. И могъ ли кто, зная Александра Александровича, не уважать его и не полюбить! Прямота, доброта и благородство были основными его качествами, и онъ отличался *замѣчательнымъ здравымъ смысломъ*, который и оказалъ ему столько пользы во время его царствованія. Несмотря на нѣкоторую *rudesse* нрава (слово *грубость* не передаетъ вполнѣ значенія слова *rudesse*), онъ былъ обыкновенно очень сдержанъ и даже деликатенъ въ обращеніи съ людьми и, храня всегда свое достоинство, никогда не оскорблялъ челоуѣческаго достоинства въ другихъ, и поэтому его всѣ очень почитали и любили. Онъ ненавидѣлъ ложь и глубоко ее презиралъ, и челоуѣкъ, разъ ему солгавшій, терялъ навсегда его довѣріе и его расположеніе. Горячо любившій свое отечество, онъ добросовѣстно и всей душой посвящалъ себя на служеніе ему. И здѣсь въ отрядѣ онъ исполнялъ свою обязанность въ высшей степени добросовѣстно и былъ занятъ постоянно не только стратегической и тактической стороною дѣла, но и заботами всѣхъ родовъ о вѣренномъ ему войскѣ, чѣмъ и стяжалъ себѣ въ арміи большое уваженіе. Сергій Александровичъ сталъ видѣть въ Цесаревичѣ осуществленіе своего идеала челоуѣка и своимъ любящимъ и горячимъ сердцемъ привязался къ нему всей душой. И Цесаревичъ, какъ я уже сказалъ, полюбилъ и оцѣнилъ Сергія Александровича и сталъ ему довѣрять, что дѣлалъ къ очень немногимъ, и это расположеніе и довѣренность, продолжавшіяся во все время царствованія Александра Александровича, повели со временемъ къ тому, что онъ поручилъ Сергію Александровичу столь важный постъ Московскаго генераль-губернатора.

17-го Августа пріѣхалъ къ Государю принцъ Карлъ Румынскій, и здѣсь, на совѣщаніи у Его Величества, было рѣшено, что Румынская армія приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ при осадѣ Плевны и что при этомъ тою частью войска, которая будетъ къ этому отдѣлена, будетъ начальствовать принцъ Карлъ.

20-го Августа Османъ-паша сдѣлалъ на осаждающую его армію нападеніе. Это было очень кровопролитно, но совершенно неудачно для Турокъ, которые потеряли при этомъ до 15,000 челоуѣкъ. Можно думать, что это была со стороны Османа-паши отчаянная попытка пробиться изъ Плевны на соединеніе съ Сулейманомъ-пашей. За тѣмъ нѣсколько дней все было тихо, и выжидательное состояніе наше продолжалось. 21-го Августа князь Имеретинскій и Скобелевъ взяли *Ловчу*; это было всѣмъ намъ великою радостью и знакомъ, что мы снова начали наше наступательное движеніе. Мы всѣ воспрянули духомъ.

День нашъ проходилъ прежнимъ, обычнымъ порядкомъ, и когда жаръ спадалъ, около пяти часовъ, Цесаревичъ съ Сергіемъ Александровичемъ и лицами своей свиты шли дѣлать большую пѣшеходную прогулку версть въ 10, ровнымъ и довольно скорымъ шагомъ, что было для нихъ очень полезно. И однажды, когда Цесаревичъ, будучи особенно занятъ, гулять не пошелъ, я отправился пѣшкомъ одинъ. Шель я довольно разсѣяннo, не слишкомъ замѣчалъ дорогу и наконецъ совершенно заблудился; уже стемнѣло, и я, не зная гдѣ я, набрелъ на Болгарскую деревушку. Жители въ ней уже всё спали, собаки на меня набросились, и я, насилу отъ нихъ отбившись, у одной изъ хижинъ нашель старика, который мнѣ объяснилъ, что наша деревня (Дальній Монастырь) далеко, а что тутъ поблизости уже линіи Турецкихъ войскъ. А затѣмъ онъ мнѣ указалъ дорогу до главной квартиры Цесаревича, куда я и дошелъ благополучно уже въ одиннадцатомъ часу вечера, когда всё еще сидѣли за столомъ послѣ ужина и уже безпокоились о моемъ исчезновеніи. Когда я рассказалъ о своихъ приключеніяхъ, то Наслѣдникъ покачалъ головой и съ доброй улыбкой сказалъ мнѣ: „Ну, однако, Дмитрій Сергѣевичъ, въ другой разъ, будьте осторожнѣй; вѣдь такимъ образомъ можете и въ плѣнъ попасть къ Туркамъ“. И я дѣйствительно понялъ, что былъ очень неостороженъ и уже съ тѣхъ поръ большихъ одинокихъ прогулокъ не дѣлалъ.

Вторая половина Августа для всей арміи прошла въ томительномъ ожиданіи и относительно бездѣйствиі, въ ожиданіи прибытія на войну гвардейскаго корпуса и нѣсколькихъ войскъ изъ Кіевского округа. Плевна нами усиленно бомбардировалась; но говорили, что позиціи нашихъ батарей не вполне удачно расположены.

Русцукскій отрядъ подъ начальствомъ Наслѣдника не могъ еще и начинать правильной осады Русцука, потому что не были еще къ намъ доставлены изъ Россіи большія пушки для бомбардировки. Да и положеніе дѣлъ измѣнилось значительно не въ нашу пользу. Плевненскія неудачи удерживали значительную часть арміи вокругъ этого укрѣпленнаго города, въ которомъ заперлась армія Османа-паши и къ которой мы прозѣвали привозъ транспорта съ провіантомъ. Въ это же время былъ смѣненъ Турецкій главнокомандующій и замѣненъ Мехмедъ-Али-пашей, который сталъ тѣснить отрядъ Цесаревича и корпусъ Владимира Александровича, и они должны были стараться только удержать свои позиціи, т. е. лѣвый флангъ нашей арміи. А Сулейманъ-паша продолжалъ дѣлать отчаянныя нападенія на Шипку и старался добраться и до нашего праваго фланга, что ему не удалось, а равно не удавалось и на Шипкѣ и на другихъ проходахъ въ Балканы. Всё

жили ожиданіемъ въ надеждѣ благопріятнаго оборота въ дѣлахъ по прибытіи подходящихъ на театръ войны войскъ, какъ вдругъ вечеромъ 30-го Августа Наслѣдникъ узналъ, что въ этотъ день наша армія штурмовала Плевну и неудачно, не смотря на геройское поведеніе нашей арміи и занятіе Скобелевымъ Гривицкаго редута. Я никогда не видалъ Цесаревича въ такомъ удрученномъ состояніи. Онъ горько порицалъ этотъ несвоевременный и худо обдуманый штурмъ, оплакивая наши тяжелыя потери. И у него вырвались слова: это несчастная манія устраивать сюрпризы къ именинамъ, которые кончаются гекатомбами. Государь былъ глубоко огорченъ; уныніе и горестъ сдѣлались всеобщими. На другой день былъ у Государя военный совѣтъ, на которомъ Его Величество объявилъ, что онъ выписалъ Тотлебена, чтобы организовать систематическое обложеніе Плевны и расположеніе батарей для *дѣйствительно цѣлесообразной бомбардировки Плевны*. Извѣстіе это очень не понравилось главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, не любившему Тотлебена, но за то всей арміей оно было принято съ радостью. И дѣйствительно, когда черезъ нѣсколько дней прибылъ въ дѣйствующую армію Тотлебенъ и осмотрѣлъ наши позиціи, онъ составилъ новый планъ обложенія и мѣсто возведенія батарей, что и было очень быстро сдѣлано, и началась усиленная, постоянная бомбардировка днемъ и ночью Плевны, начавшая производить въ городѣ большія разрушенія. Блокада Плевны теперь была полная, и скоро стало очевидно, что сдача Плевны неминуема и что это только вопросъ времени, но какого? Кто говорилъ нѣсколькихъ дней, кто мѣсяць или два, потому что не знали, на сколько времени хватитъ у Османа-паши провіанта и снарядовъ. Но перебѣжчики, которыхъ стало являться къ намъ теперь довольно много, говорили, что провіанта мало, что порціи уже уменьшены, что снарядовъ очень недостаточно и что въ Турецкой арміи Османа-паши число больныхъ очень велико. Черезъ нѣсколько дней послѣ неудачнаго штурма у насъ всѣ ожили духомъ, хотя и прежде въ немъ не было никакого упадка, но только сожалѣніе и глубокая горестъ о неудачѣ.

Между тѣмъ письма, получаемыя мною изъ Петербурга отъ моихъ помощниковъ по воспитанію Великихъ Князей гг. Мечина и Лагоста, очень меня огорчали и смущали; оказывалось, что фл.-адъютантъ Литвиновъ, который на время моего отсутствія былъ назначенъ Государемъ состоять при Великомъ Князѣ Павлѣ Александровичѣ, долженствовавшій преимущественно сопровождать его при его выѣздахъ, началъ самовольно вторгаться въ домашній обиходъ Великаго Князя, нисколько не соображаясь ни съ моими указаніями, ни съ тѣмъ, что ему говорили

Мечинъ и Лакость, и сталъ ѣздить всюду съ Великимъ Княземъ, отрывая его отъ регулярныхъ занятій, такъ что Павелъ Александровичъ сталъ постепенно отбиваться отъ руководенія своихъ наставниковъ. Императрица начала тоже объ этомъ беспокоиться и была недовольна Литвиновымъ. Въ одномъ изъ моихъ писемъ къ Императрицѣ я, изложивъ Ея Величеству всю нежелательность и весь вредъ отъ такого поворота въ руководеніи Павла Александровича, просилъ Императрицу позволить мнѣ пріѣхать въ Царское-Село на нѣсколько дней, чтобы установить должный порядокъ; но Императрица думала иначе и рѣшилась выписать меня совсѣмъ съ войны къ Павлу Александровичу, рассчитывая, что и Сергію Александровичу придется не долго оставаться на войнѣ, такъ какъ она уже знала, что Государь останется въ арміи только до взятія Плевны. Да къ тому же Сергію Александровичъ, находясь въ Руссукскомъ отрядѣ Цесаревича, былъ постоянно при своемъ братѣ, съ которымъ теперь находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, питая къ Наслѣднику большую симпатію, сыновнюю привязанность и уваженіе. Но мнѣ Императрица хотя нѣсколько разъ очень милостиво писала, но о своемъ рѣшеніи еще не увѣдомляла, и я продолжалъ очень беспокоиться. Безпокойство мое раздѣлялъ и Сергію Александровичъ, столь нѣжно любившій своего младшаго брата.

Между тѣмъ гвардія и двѣ новыя армейскія дивизіи уже прибыли на театръ войны и начали рядъ наступательныхъ дѣйствій. Такъ 12-го Сентября наша бригада 32 дивизіи, бригада 26 дивизіи и Невскій полкъ, состоявшіе въ Руссукскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ генерала Татищева, имѣли блестящее дѣло съ Турками арміи Мехмедъ-Али и разбили ихъ на голову. Князь Имеретинскій и Скобелевъ взяли опять Ловчу, очень важный пунктъ для нашего праваго фланга и позицій къ Балканамъ... Государь со своей свитой жилъ теперь въ Горномъ Студенѣ и съ радостью почти всякій день встрѣчалъ подходившіе отряды своей гвардіи, которую онъ такъ сердечно и горячо любилъ. Онъ былъ отечески расположенъ ко всей арміи, геройство которой ежедневно видѣлъ; но къ гвардіи у него было даже какое-то баловство. Во время нашихъ неудачъ Государь ни разу не падалъ духомъ и не приходилъ въ отчаяніе: такъ напримѣръ, онъ съ твердостью отклонилъ всѣ совѣты отступить на зиму арміи за Дунай съ тѣмъ, чтобы снова начать войну будущей весной, не только не принялъ совѣта оставить Плевну, но, вызвавъ Тотлебена (прибывшаго 10-го Сентября) рѣшилъ продолжать энергичную осаду и бомбардировку Плевны и рѣшилъ, что не уйдетъ изъ арміи, пока она не будетъ взята и послѣднія силы сопротивленія Турокъ будутъ уничтожены. И чтò тамъ ни говорили, присутствіе

Государя въ арміи было благодѣтельно и предотвратило много ошибокъ и случайностей, которыя безъ него могли бы причинить великій ущербъ дѣлу, начиная съ отношеній къ Румынскому принцу Карлу, которыя не были хороши съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Теперь Румынская армія въ 45,000 человекъ облежала вмѣстѣ съ нами Плевну, и принцъ Карлъ командовалъ всей Плевненской арміей.

Государь ежедневно ѣздилъ посѣщать больныхъ и раненыхъ, разспрашивалъ ихъ и утѣшалъ, раздавалъ Георгіевскіе кресты и вещи присылаемыя ему постоянно Императрицею, бѣлье, теплое платье, рукавицы, шерстяные шарфы, чай, сахаръ и лакомства. Но главное, благодаря этимъ постояннымъ посѣщеніямъ лазаретовъ, госпитальная часть поддерживалась въ превосходномъ порядкѣ, въ чемъ окомъ и правою рукою Государя былъ докторъ Сергій Петровичъ Боткинъ, остававшійся при Государѣ во все время войны. Здоровье Государя, нѣсколько расшатанное во время жаркихъ погодъ, осенью совершенно поправилось. По вечерамъ Государь послѣ вечерняго чая въ 9 часовъ съ графомъ Адлербергомъ, Д. А. Милутинымъ и княземъ Суворовымъ прочитывалъ вечернія телеграммы и реляціи главнокомандующаго, или какую нибудь статью изъ журналовъ. Такъ я вспоминаю, что мнѣ два вечера пришлось читать ему статью „Тряпичины-Очевидцы“ которая его очень смѣшила. За тѣмъ Государь игралъ три роберта въ ералашь, и тѣмъ кончался его день. Наслѣдникъ со своимъ штабомъ стоялъ обыкновенно верстахъ въ 15, 20-ти отъ Государя и навѣщалъ отца своего разъ или два въ недѣлю. Въ Августѣ и Сентябрѣ Цесаревичъ стоялъ сначала въ Бѣлой, Копривицѣ, Дальнемъ Монастырѣ и наконецъ въ Брестовицѣ, гдѣ мы всѣ помѣщались въ домахъ, и Сергій Александровичъ жилъ въ домѣ рядомъ съ домомъ Цесаревича.

21-го Сентября Великій Князь Павелъ Александровичъ, выписанный изъ Царскаго Села Государемъ, пріѣхалъ въ Горній Студень, сопровождаемый полковникомъ Литвиновымъ, и Сергій Александровичъ со мною былъ вызванъ изъ дальняго Монастыря къ Государю въ Горній Студень. Намъ разбили палатки на дворѣ царскаго дома; но теперь по ночамъ уже наступали морозы, и я догадался помѣститься съ Великимъ Княземъ въ пустой подвальной комнатѣ, гдѣ былъ маленькій Болгарскій каминъ, который мы стали усиленно топить и гдѣ намъ было очень хорошо. А Павла Александровича пріютилъ у себя князь Суворовъ; у него были двѣ маленькія комнаты въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Государь, у котораго было три небольшихъ и болѣе чѣмъ скромныя комнаты. Государь и на этотъ разъ былъ со мною очень милостивъ и объявилъ мнѣ, что онъ выписалъ Павла Александровича

только на нѣсколько дней и что за тѣмъ я долженъ отправиться съ Павломъ Александровичемъ къ Императрицѣ въ Царское Село, а при Сергіи Александровичѣ замѣнить меня на войнѣ фл.-ад. Литвиновъ, пріѣхавшій съ Павломъ Александровичемъ. Я былъ осчастливленъ этимъ приказаніемъ, радуясь увидѣть жену и дѣтей, тѣмъ болѣе, что жена жестоко страдала отъ горя разлуки и безпокойства за меня. 27, 28 и 29-го Сентября оба Великіе Князя Сергіи и Павелъ Александровичи провели въ Брестовицѣ у Цесаревича и потомъ возвратились въ Горній Студень, гдѣ провели еще нѣсколько дней у Государя. Государю очень хотѣлось, чтобы и Павелъ Александровичъ участвовалъ въ какомъ нибудь дѣлѣ, чтобы и ему дать Георгіевскій крестъ; но во всѣ эти дни ничего не ожидалось, да къ тому же думаю, что Государь, главное для Императрицы, боялся подвергнуть жизнь Павла Александровича опасности, чего никогда нельзя предвидѣть. Такъ Павлу Александровичу и не удалось быть подъ огнемъ.

Мы съ Павломъ Александровичемъ переѣхали нашу границу, 11-го Октября, въ день Св. Апостола Филиппа, образъ котораго мнѣ былъ присланъ черезъ жену мою отъ нашего друга Григорія Ивановича Губчица. Образъ этотъ принадлежалъ одному изъ его родственниковъ, участвовавшему въ нѣсколькихъ войнахъ. Онъ всегда имѣлъ его съ собою и всегда оставался цѣль и невредимъ. И теперь, уѣзжая съ войны, я оставилъ этотъ образъ великому князю Сергію Александровичу, который сталъ носить его. По возвращеніи моемъ съ войны въ Царское Село, мы съ женою отслужили благодарственный молебенъ Св. Апостолу Филиппу и съ тѣхъ поръ, ежегодно 11-го Октября, служимъ ему молебенъ, что соблюдаю и теперь. 12-го Октября, когда мы были уже въ Унгенѣ (въ Бессарабіи), у Цесаревича произошло большое сраженіе при *Мечкѣ*, въ которомъ Турки были разбиты. Въ этомъ сраженіи участвовалъ и Сергіи Александровичъ, и близъ него былъ взорванъ ящикъ съ артиллерійскими снарядами и убитъ унтер-штабмейстеръ великаго князя Владимира Александровича Шишенковъ, а въ концѣ сраженія пулею въ голову убитъ князь Сергіи Максиміліановичъ Лейхтенбергскій, смерть котораго была всѣми оплакиваема. Какъ я былъ счастливъ узнать, что Сергіи Александровичъ остался цѣль и невредимъ, но какъ сожалѣлъ, что мнѣ не пришлось быть съ нимъ въ первомъ военномъ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ! Въ Унгенѣ мы нашли Анастасію Николаевну Мальцеву съ ея дочерью Ириной и сыномъ Николаемъ Сергѣевичемъ. Анастасія Николаевна была во главѣ госпиталя для раненыхъ, устроеннаго тутъ понеченіями Императрицы, отъ Краснаго Креста. Анастасія Николаевна провела въ

Унгенѣ нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшившись на этотъ подвигъ изъ любви къ Императрицѣ, которая всю душу свою, всѣ свои заботы и всѣ свои средства отдавала въ это время попеченію о раненыхъ, устройенію госпиталей, содержанію ихъ въ должномъ порядкѣ и облегченію всѣми матеріальными и нравственными средствами, которыя только она могла придумать и отыскать, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи Анастасія Николаевна оказала большія услуги и приносила большую пользу. Она была негласнымъ, но самымъ дѣятельнымъ представителемъ Императрицы на театрѣ войны по дѣятельности Краснаго Креста, а въ Унгенѣ, гдѣ у нея было нѣсколько сотъ раненыхъ она была для нихъ самою заботливою не только сестрою милосердія, но какъ бы матерью и въ уходѣ за больными, въ утѣшеніи ихъ и помощи имъ. Дочь ея и сынъ помогали самымъ сердечнымъ образомъ. Ирина Сергѣевна сближалась съ больными, писала имъ письма къ роднымъ, узнавала о ихъ нуждахъ и желаніяхъ и оказывала страждущимъ много пользы. И раненые обожали Анастасію Николаевну и ея дочь, и многіе изъ нихъ даже долго послѣ войны сохраняли съ ними сношенія. Два дня, проведенные нами въ Унгенѣ, были намъ очень отрадны.

Я забылъ сказать, что, проѣзжая черезъ Бухарестъ, Павелъ Александровичъ, по приказанію Государя, долженъ былъ сдѣлать визитъ принцессѣ Румынской, супругѣ князя Карла. Испросивъ надлежащимъ образомъ о времени, въ которое она пожелаетъ насъ принять, мы, по ея приглашенію, поѣхали въ одинъ изъ госпиталей съ ранеными Румынскими воинами, въ которыхъ ея высочество проводила почти цѣлые дни. Мы застали ее съ дамами ея свиты, съ фартуками Краснаго Креста. Принцесса, сказавъ великому князю и мнѣ нѣсколько словъ, пригласила насъ сопутствовать ей при обходѣ раненыхъ, что мы и сдѣлали, и при насъ между прочимъ дѣлали внутреннее вспрыскиваніе одному молодому, чрезвычайно красивому Румынскому солдату, у котораго была раздроблена кость лѣвой ноги; эти вспрыскиванія причиняли раненому страшную боль; лицо его при этомъ покрывалось смертельной блѣдностью и выражало ужасныя страданія. Этотъ несчастный юноша былъ фаворитомъ всѣхъ придворныхъ дамъ, и онѣ выказывали ему живѣйшую симпатію. За симъ мы простились съ принцессой и уѣхали. Признаюсь, что эта аудіенція, въ госпиталѣ, показала мнѣ нѣкоторую аффектаціей. За симъ путешествіе наше продолжалось вполнѣ благополучно.

Возвращеніе съ войны.

Въ Субботу 15-го Октября, въ 6 часовъ вечера, мы подъѣхали по желѣзной дорогѣ на Александровскую станцію въ Царскомъ Селѣ. Мы

сѣли съ женою и Великимъ Княземъ въ карету и поѣхали во дворець. Высадивъ жену у ея подъѣзда, Великій Князь со мною, мы прошли къ Императрицѣ. Она была счастлива его видѣть, имѣть черезъ меня вѣсти о Сергіѣ Александровичѣ и слышать живое описаніе его пребыванія на войнѣ. Императрица была еще подъ глубокимъ впечатлѣніемъ сраженія при Мечкѣ, происшедшаго 12-го Октября, уже на другой день моего пріѣзда на Русскую границу. Продержавъ меня у себя съ полчаса, Императрица, не знавшая, что я уже видѣлъ свою жену, сказала мнѣ: „Mais allez, allez chez votre femme qui est si impatiente de vous revoir!“ И я побѣжалъ домой.

Но при всей нашей радости мы были опечалены кончиною князя Сергія Максимиліановича. Онъ былъ добрый, умный, очень воспитанный и образованный молодой человекъ, чрезвычайно красивый, элегантный и нѣсколько напоминавшій покойнаго Цесаревича Николая Александровича. И я вспомнилъ, что, наканунѣ моего отъѣзда съ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ изъ Руцукскаго отряда, 10-го Октября, я провелъ ночь съ нимъ въ Болгарской хижинѣ, въ той же комнатѣ, и онъ вечеромъ говорилъ мнѣ: „Какъ вы счастливы, что возвращаетесь въ Россію!“ И при этомъ мнѣ тогда же показалось, что душа его удручена мрачнымъ предчувствіемъ. Бѣдный юноша, онъ такъ любилъ жизнь и былъ такой жизнерадостный!

21-го Октября получили мы извѣстіе, что Государь пожаловалъ Сергію Александровичу Георгіевскій крестъ, и я получилъ по этому поводу отъ Государя самую милостивую и сердечную телеграмму. Я телеграфировалъ поздравленіе Великому Князю и въ телеграммѣ только выразилъ искреннее сожалѣніе, что не былъ при немъ во время его перваго сраженія. Онъ отвѣчалъ мнѣ телеграммой, въ которой выразилъ все свое счастье и радость—полученія Георгія!

23-го Октября, въ Воскресенье, я поѣхалъ съ Павломъ Александровичемъ въ Петербургъ для встрѣчи тѣла князя Сергія Максимиліановича и торжественнаго перевезенія его въ крѣпость. Въ 6 часовъ вечера процессія отъ вокзала Николаевской жел. дороги потянулась по Невскому, Садовой и Царицыну лугу и на улицахъ собралось великое множество народа, и это перевезеніе имѣло совершенно особый характеръ: народъ кричалъ Ура! праху юнаго князя, запечатлѣвшаго своей смертью службу своему отечеству. Это были не похороны, а какое-то триумфальное шествіе, и какое-то восторженное чувство овладѣло этой массой Русскихъ людей. Хотя Сергіи Максимиліановичъ, не будучи Великимъ Княземъ, не имѣлъ права быть погребеннымъ въ

крѣпости, но, въ почитаніе его смерти на войнѣ, Государь приказалъ похоронить его въ крѣпости, рядомъ съ могилою его матери Великой Княгини Маріи Николаевны. Его поставили въ маленькомъ придѣлѣ Петропавловской церкви, находящейся предъ входомъ въ соборъ, у входа въ него на право; а на другой день тамъ же происходило отпѣваніе его праха.

Императрица съ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ и дворомъ переѣхали 2-го Ноября въ Петербургъ, куда одновременно переѣхало и мое семейство. Какъ мы были рады быть опять въ нашей милой квартирѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ которой я жилъ уже съ 1865 года, а съ женой съ 1872-го.

28-го Ноября Императрица получила отъ Государя радостное извѣстіе о взятіи Плевны и сдачѣ Османъ-паши съ 40,000 войскомъ, 77 пушекъ, 10 пашей, 120 штабъ-офицеровъ и 20,000 оберъ-офицеровъ, множествомъ боевыхъ припасовъ и при 6000 убитыхъ и раненыхъ у непріятеля, при чемъ былъ раненъ и самъ главнокомандующій Османъ-паша. Велика была радость Императрицы и всѣхъ насъ ее окружавшихъ. Велика и неописана была и радость и восторгъ всей Россіи. Плевна взята! А отнынѣ успѣхъ войны былъ несомнѣнный, и предвидѣлся скорый и побѣдоносный ея конецъ. На другой же день, 29 Ноября, былъ въ Зимнемъ дворцѣ молебенъ, на которомъ единодушно благодарили Господа, и всѣ обнимались. Счастлива была Императрица и потому еще, что предвидѣла, что теперь Государь и ея дѣти скоро возвратятся въ Петербургъ, такъ какъ Государь уже давно рѣшился дожидаться въ арміи только сдачи Плевны. И дѣйствительно, Государь, повидавъ почти всѣ части дѣйствующей арміи, собранныя подъ Плевной, сердечно благодаривъ войска за ихъ геройскую службу, и щедро наградивъ всѣхъ начальствующихъ и отличившихся лицъ, 4-го Декабря уѣхалъ съ театра войны и благополучно возвратился въ Петербургъ. И мнѣ Государь пожаловалъ орденъ Св. Станислава I-й степени съ мечами, чему я былъ очень радъ. Орденъ съ мечами носится всегда и при высшихъ орденахъ, и мнѣ, пожалованному въ контръ-адмирала только $\frac{1}{2}$ года тому назадъ, было очень лестно получить уже и ленту и притомъ за военные заслуги. Сергію Александровичу, за участіе его въ сраженіи подъ Мечкою, Государь пожаловалъ Георгіевскій крестъ, о чемъ телеграфировалъ Императрицѣ, и Сергій Александровичъ тоже телеграфировалъ своей матери и мнѣ о своей великой радости. Я тотчасъ же купилъ Георгіевскій крестъ и хотѣлъ послать его въ тотъ же вечеръ съ отъѣзжающимъ фельдшеремъ Великому Князю; но Императрица, узнавъ объ этомъ черезъ Павла Алек-

сандровича, пожелала отъ себя послать ему крестъ, послала попросить меня отдать ей этотъ крестъ, ибо по позднему времени магазины были уже заперты, и она не могла въ тотъ вечеръ къ отъѣзду фельдъегеря достать крестъ. Я конечно съ радостью исполнилъ желаніе Ея Величества и отослалъ ей съ Павломъ Александровичемъ свой крестъ, вполне понимая, какъ это и ей будетъ отрадно, и какою будетъ радостью Сергію Александровичу получить Георгіевскій крестъ отъ своей обожаемой матери.

Вотъ описаніе взятія Плевны и послѣднихъ дней пребыванія Государя при дѣйствующей арміи, взятое изъ дневника его пребыванія на войнѣ графомъ Сологубомъ.

Взятіе Плевны.

28-го Ноября. Понедѣльникъ. 28-го Ноября, въ 10 часовъ утра, Государь получилъ отъ главнокомандующаго извѣстіе, что Турки предпринимаютъ вылазку и что потому онъ къ высочайшему завтраку прибыть не можетъ, согласно предположенію. Государь тотчасъ велѣлъ объявить, что въ 11 часовъ онъ выѣзжаетъ въ свой редутъ и чтобы вся его свита за нимъ слѣдовала. Подъ Плевной происходило слѣдующее. Еще за нѣсколько дней до 28-го Ноября генераль-адъютантъ Тотлебенъ производилъ въ частяхъ вѣренныхъ генераламъ Ганецкому и Каталею манѣвръ, въ видѣ репетиціи, для точнаго расчета времени, необходимаго на сосредоточеніе войскъ, въ предположеніи рѣшительной атаки со стороны обложенной арміи. Такимъ образомъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ угадалъ приблизительно и время, и самую мѣстность. 27 Ноября непріятельскій огонь замолкъ. По всѣмъ признакамъ оказывалось, что Турки готовятся къ выступленію.

Должныя мѣры были тотчасъ приняты. Генераламъ Скобелеву, Ганецкому, Каталею, барону Криденеру и Шниткову указаны позиціи и переданы точныя наставленія. Бой начался съ разсвѣтомъ по направленію участка генерала Ганецкаго. Вся масса Турокъ направилась на Видъ, черезъ который переправились и войска и повозки, и многія уже были переведены. Наступательныя движенія непріятеля, направленные противъ ложементовъ 3-й гренадерской дивизіи, произведены были съ замѣчательною стремительностью. Впереди, какъ засвидѣтельствовавъ генераль Тотлебенъ, выдвигалась сплошная цѣпь стрѣлковъ, за которою непосредственно слѣдовали поддержки въ разомкнутомъ строю. За этими частями шли резервы. Артиллерія сопровождала цѣпь стрѣлковъ и также быстро подвигалась впередъ, останавливаясь не

болѣе какъ для одного выстрѣла и затѣмъ снова догоняла цѣпь. Въ три четверти часа Турки уже были на Русской оборонительной линіи. Какъ буря ворвались они въ траншеи окопа № 3, изрубили артиллеристовъ и захватили 6 пушекъ; первая бригада 3-й гренадерской дивизіи изнемогала подъ давленіемъ отчаянной атаки. Тогда къ мѣсту боя стали поспѣшно подходить подкрѣпленія: 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, 8-й гренадерскій Московскій и 7-й гренадерскій Самогитскій полки 2-й гренадерской дивизіи. Прибытіе этихъ подкрѣпленій обезпечивало успѣшный ходъ боя. Раздавшееся въ 10¹/₂ часовъ громкое „Ура“ возвѣстило атаку 2-ю бригадою 3-й гренадерской дивизіи нашихъ ложементовъ, занятыхъ Турками. Отбросивъ непріятеля отъ обоихъ люнетовъ, Астраханцы и Фанагорійцы, поддержанные Сибирцами и Малороссійцами, быстро продолжали наступленіе и, не обращая вниманія на потери, причиняемая адскимъ огнемъ противника, штыками выбивали Турокъ изъ траншей. Орудія наши, оставленные въ рукахъ у непріятеля, были отняты назадъ, причемъ Астраханцы взяли еще съ боя семь Турецкихъ орудій и одно знамя. Два баталіона 18-го Вологодскаго полка, выдвинувшись еще ранѣе къ лѣво-фланговому люнету и прилегающимъ ложементамъ гренадерской позиціи, дѣйствовали непріятелю во флангъ, причемъ они были поддержаны огнемъ Румынской батареи. Одновременно съ атакою 2-й бригады 3-й гренадерской дивизіи, въ 10³/₄ часовъ, къ мѣсту боя подошелъ 7-й гренадерскій Самогитскій полкъ, направленный начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи генералъ-лейтенантомъ Свѣчинымъ, въ промежутокъ между Горнымъ и Дольнимъ Нетрополемъ. Бросившись въ штыки, Самогитцы, безъ выстрѣла, выбили изъ ложементовъ Турокъ и, обративъ уцѣлѣвшіе здѣсь остатки непріятельскихъ войскъ въ бѣгство, захватили три орудія. Занявъ вновь передовые ложементы, войска наши временно приостановились. Было около 12 часовъ дня, когда Турки начали медленно отступать къ р. Виду, поддерживая однако, сильный огонь. Отобранные у непріятеля орудія, не приведенныя еще въ негодность, открыли по Туркамъ огонь, имѣя прислугу изъ пѣхоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады выдвинуты были впередъ и, занявъ позицію, на одной линіи съ пѣхотой, стали поражать отступавшихъ Турокъ картечными гранатами. Отступленіе непріятеля принимало все болѣе нестройный и смѣшанный характеръ. Густыя толпы Турокъ въ безпорядкѣ скучивались у моста и смѣшивались съ обозами, покрывавшими сплошною массою прилегающую къ шоссе мѣстность. Въ эту минуту прибылъ Государь на Императорскій редутъ. Онъ видѣлъ, какъ всѣ войска Русскія перешли въ наступленіе по всей линіи. Дивизія генерала Данилова двинулась

впередъ. Первая бригада 2-й гренадерской дивизиі, выйдя изъ ложементовъ, стала охватывать лѣвый Турецкій флангъ. Другіе гренадеры заняли Блазевацкія высоты. Повѣяло вѣтромъ побѣды. „Ура“ стонало надъ Плевной. Генералы, Зотовъ, баронъ Криденеръ, Каталей, Скобелевъ, Шнитниковъ, Чернатъ двинулись впередъ, по опредѣленнымъ назначеніямъ: съ двухъ фланговъ и въ тылъ. Главнокомандующій и генераль-адъютантъ Тотлебенъ спустились съ Радишева въ Плевну. Въ Плевнѣ не было ни одного Турецкаго солдата. Всѣ редуты, люнеты, траншеи были пусты. Вся Турецкая армія хотѣла выступить сполна; но выступить ей было некуда. Великій Князь главнокомандующій и генераль-адъютантъ Тотлебенъ проѣхали по той загадочной мѣстности, которая, какъ Сахара, не обозначалась ни на какой картѣ. Тутъ у высотъ Блазеваца стояла коляска, въ которой сидѣлъ раненый военноплѣнный Турецкій главнокомандующій, Османъ-паша. Турки кидали на землю груды оружія. За ними гренадеры, въ шеренги выстроенные, смотрѣли молча. Плевна была взята. Главнокомандующій, 10 пашей, 120 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, 40,000 нижнихъ чиновъ, 1,200 всадниковъ сдались военноплѣнными. Взято 77 орудій и множество боевыхъ припасовъ, въ особенности ружейныхъ патроновъ. Уронъ непріятеля простирался до 6,000 человекъ. Со стороны Русскихъ потери исчислены до 1,850. Съ этой минуты Русская армія становилась побѣдоносна. Руки главнокомандующаго были развязаны для открытаго боя. Генераль Тотлебенъ исполнилъ свое порученіе. Государь внимательно смотрѣлъ на холмистую опрокинутую воронку Плевенской панорамы, на этотъ разъ оживленной движеніями войскъ. Вдали, вправо отъ Зеленыхъ горъ и за Плевной, грохотала буря выстрѣловъ и носились волны дыма. Въ 3 часа прискакалъ къ редуту посланный еще изъ Порадима на Гривицкія высоты за свѣдѣніями, фл.-адъют. графъ Милорадовичъ. Онъ донесъ, что проѣхалъ черезъ Плевну, оставленную Турками, и представилъ галетку и два патрона, какъ образецъ того, что онъ нашелъ въ Плевненской церкви. Пальба утихла. На редутъ Государемъ были уже получены двѣ телеграммы. Первая была печальная, объявившая, что Сибирскій гренадерскій полкъ не могъ отстоять свои траншеи, и со 2-й батареи 3-й гренадерской бригады отбито у насъ 6 пушекъ. Но вскорѣ пришла другая депеша, объявившая, что орудія высвобождены и что къ Сибирцамъ подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій полкъ. Государь ходилъ молча. Вдругъ, припомнивъ, что генераль-адъютантъ Милютинъ всегда отстаивалъ на военныхъ совѣтахъ продолженіе кампаніи и неусыпно старался о доставленіи въ Болгарію гвардейцевъ и гренадеръ, подошелъ къ военному министру и сказалъ: „Дмитрій Алексѣевичъ! Если дѣла приняли такой

хорошій оборотъ, то мы этимъ тебѣ обязаны. Я этаго никогда не забуду“. Въ три часа пріѣхалъ на редутъ свиты г.-м. князь Витгенштейнъ, посланный на Гривицкія высоты одновременно съ фл.-адъют. графомъ Милорадовичемъ; князь Витгенштейнъ повторилъ, что Плевна опустѣла и что за Видомъ длится упорное сраженіе. Почти въ 4 часа показался подъ скатомъ редута скакавшій на верхъ всадникъ. Издали онъ махаль фуражкой, кричалъ „ура“, понукалъ измученную лошадь и снова кричалъ „ура“, мгновенно подхваченное конвоемъ и даже экипажною прислугою. Запыхавшійся гонецъ поспѣшно соскочилъ съ коня, подбѣжалъ къ Государю, донесъ, что Османъ-паша сдался со всею арміею безусловно корпусному командиру Ганецкому. Выслушавъ радостное извѣстіе, Государь немедленно снялъ фуражку и перекрестился. Счастливымъ вѣстникомъ былъ полковникъ Моравскій, помощникъ коменданта главной квартиры Великаго Князя Николая Николаевича, находившійся въ этотъ день при генераль-лейтенантѣ Ганецкомъ. Онъ самъ видѣлъ Осману-пашу; самъ слышалъ, какъ Османъ-паша изъявилъ покорность и былъ посланъ генераломъ Ганецкимъ съ этимъ радостнымъ донесеніемъ. Государь поблагодарилъ его и поздравилъ своимъ флигель-адъютантомъ. Прискакавшему съ Моравскимъ казаку Государь пожаловалъ военный знакъ 3-й степени, такъ какъ онъ уже имѣлъ знакъ 4-й степени. Минуть черезъ десять послѣ этаго эпизода прискакалъ, но уже официально отъ главнокомандующаго, состоящій при его высочествѣ на ординарцахъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка Дерфельденъ. Османъ-паша и Турецкая армія были дѣйствительно военноплѣнными. Тогда Государь, позвавъ военнаго министра, объявилъ ему, что ему жалуются орденъ Св. Георгія 2-й степени. Изумленный такою высокою наградою, по статуту ему впрочемъ слѣдовавшей, онъ снялъ фуражку, прослезился и кинулся къ рукъ Государя, его обнимавшаго. Ваше Величество! промолвилъ онъ съ трудомъ, „я ничего не сдѣлалъ. Не жалуйте мнѣ такой награды. Я ея недостойнъ“. Но Государь обнялъ его и сказалъ: „Прими и носи. Мы здѣсь тебѣ многимъ обязаны“. Тогда военный министръ снова хотѣлъ припасть къ рукъ Императора, который снова его обнялъ. Эта сцена была глубоко трогательна.

Новаго Георгіевскаго кавалера тотчасъ же окружила императорская свита съ горячими и искренними поздравленіями. Въ 4¹/₂ часа Государь, сходя съ бруствера, чтобы садиться въ коляску, снова обратился къ военному министру съ вопросомъ, совершенно неожиданнымъ: „Дмитрій Алексѣевичъ! спросилъ онъ, разрѣшаешь ли ты мнѣ надѣть на саблю Гергіевскій темлякъ за мое терпѣніе“. Знаменательно, что

въ это время Государь вернулся въ Порадимъ и не спустился на нѣсколько шаговъ къ Плевнѣ, чтобы не затмить своимъ торжествомъ торжества его военачальниковъ. Для своего же боеваго удовлетворенія и для личнаго самолюбія онъ находилъ достаточнымъ простой офицерскій темлякъ. Къ 6-ти часамъ, по рѣдко нарушаемому обычаю, Государь былъ уже въ Порадимѣ. Его привѣтствовали обезумѣвшіе отъ радости клики всего сбѣжавшагося на встрѣчу населенія. Государь былъ веселъ, но спокоенъ. Ничто не нарушало заведеннаго порядка. Только долго составлялись телеграммы и работалъ телеграфный станокъ. Такъ прошелъ день 28-го Ноября.

4-го Декабря. Воскресенье. 4-го Декабря, ровно черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ тревоги въ Царевичахъ, Государь снова былъ въ близости Дуная. Онъ ѣхалъ съ Цесаревичемъ. За ними слѣдовали Великій Князь Сергій Александровичъ и ген.-адъют. Милютинъ, графъ Адлербергъ и Рыльевъ. У Дуная дожидались великіе князья Владимиръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ. Вскорѣ открылись сизія воды рѣки получившей новое историческое значеніе. Мастерски проложенный Русскими саперами трехверстный спускъ упирался къ понтонному мосту у Батинской переправы. За мостомъ чернѣлось село Петрошани. Болгарія отходила вдаль. Впереди виднѣлась Румынія. Пятимѣсячное пребываніе Русскаго Императора за Дунаемъ кончилось, и уже ясно обнаруживалось, что этотъ подвигъ царствованія Александра II сопровождался постоянно тою неожиданною силою обстоятельствъ, которую вѣрующіе называютъ волею Провидѣнія. Въ этомъ одномъ уже сказывается знаменательный урокъ и для народовъ въ совокупности, и для отдѣльныхъ людей въ ихъ частной жизни. Казалось, что со стороны Герцеговинцевъ, Черногорцевъ и Сербовъ совершалось безумство безвыходное, когда они поднялись на Турцію. Но это было нужно, потому что иначе Россія не вовлеклась бы въ войну. Самая война началась при условіяхъ самыхъ невыгодныхъ для Русскихъ, но и это было нужно. Иначе вся Европа вмѣшалась бы преждевременно въ кровавое состязаніе, какъ оно всегда было, когда дѣло касалось ея интересовъ въ Восточномъ вопросѣ. Удачный переходъ черезъ Дунай и взятіе Никополя какъ будто заманивали христолюбивую армію въ губительную западню при хитромъ содѣйствіи союзныхъ намъ Англичанъ. Тутъ случилось нѣчто диковинное. Числительность наступавшихъ, превосходившая значительно боевой составъ прежнихъ наступленій, вдругъ оказалась недостаточною. Не смотря на самоотверженіе почти сверхъестественное и даже мученическое освободителей Болгаріи, штурмы легкѣ отражались силою Плевненскихъ укрѣпленій и огневыми ливнями.

И это было нужно. Это было нужно, потому что Европа возрадовалась и успокоивалась съ твердою увѣренностью, что она еще избавлена на этотъ разъ отъ разрѣшенія Восточнаго вопроса. Казалось, что напрасно было пролито столько крови подъ Плевненскими, смертью дышащими, укрѣпленіями. А между тѣмъ и это было нужно: иначе не разгорѣлось бы высококомѣріе Турецкаго военачальника. За одной Плевной выросли бы еще другія, промедлявшія войну, сберегавшія силы, и Турецкая западная армія не сдалась бы единымъ разомъ. Да утѣшались же семейства тѣхъ жертвъ, которыя, такъ сказать, отрицательно принесли краугольную пользу христіанскому дѣлу. Въ виду успѣха войнѣ слѣдовало раздѣлиться на два фазиса: на медленный и успокоительный въ виду Европы и затѣмъ на стремительный, молніеносный для быстраго достиженія цѣли, чтобы Европейскіе интересы не успѣли опомниться и, опоздавъ къ защитѣ Турціи, не могли бы болѣе найти въ ней союзницу. Конечно ничто подобное не могло предвидѣться ни въ дипломатическихъ, ни въ стратегическихъ предположеніяхъ. Это предвидѣлось свыше и проводникомъ воли міровой былъ именно избранъ Вѣщеносецъ передъ Богомъ покорный, передъ обязанностью чепокелебимый. Такова вся исторія послѣдней войны.

Въ дѣйствіяхъ Императора ярко выразились три начала: повиновеніе, воля и любовь. Въ повиновеніи высшему руководству онъ не зналъ предѣловъ. Въ волѣ, отъ повиновенія проистекавшей, онъ не зналъ слабости. Въ любви къ родному и человѣчному онъ не вѣдалъ границъ. Оттого и совершилось такимъ образомъ то, чего на его мѣстѣ никто другой, конечно, совершить бы не могъ. Онъ вошелъ въ Болгарію смиренно и въ первый же день своего прибытія чужалъ близкую возможную гибель, а вышелъ торжествующій, совершивъ обѣщанное себѣ, государству и міру. Вѣра его спасла его. Но, оставляя край, гдѣ имя его отнынѣ заживетъ на вѣки свѣтло и свято, но поблагодаривъ сердечно всѣхъ и cadaго, онъ лично для себя вкусилъ ту неоцѣненную для него отраду, что онъ могъ обнять съ гордостью своихъ четырехъ сыновей, достойно своего сана послужившихъ ему и отечеству. И братьевъ своихъ онъ воспиталъ уже въ двухъ прославленныхъ военачальниковъ. И въ Императорскомъ своемъ домѣ онъ указалъ, что служба Россіи начинается у насъ со степени престола. Онъ вошелъ тихо, онъ вышелъ лучезарно... Государь перешелъ Дунай обратно въ Петрошанахъ 4-го Декабря 1877 года въ 3 часа пополудни. Этимъ днемъ кончалось его пребываніе въ Болгаріи. Этимъ днемъ и кончается настоящій дневникъ⁴.

И во всей Россіи, у всѣхъ отлегло сердце послѣ ваятія Плевны, и никто тогда еще не предвидѣлъ тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, колебаній и потерь времени для занятія Константинополя, которые повели потомъ къ униженіямъ Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, унижительному умаленію плода нашихъ побѣдъ. И надо сказать, что будь Государь въ это время на театрѣ войны, всего этого бы не произошло. 10-го Декабря, Государь съ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ возвратились въ Петербургъ. Императрица съ Павломъ Александровичемъ поѣхали въ 7 часовъ утра въ Гатчину имъ на встрѣчу, и я имѣлъ счастье ихъ сопровождать. И какъ трогательно было и радостно ихъ свиданіе! И по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ малой церкви Зимняго дворца было совершено благодарственное молебствіе, а 12-го былъ большой выходъ къ торжественному молебствію въ большой церкви Зимняго дворца, и этотъ молебенъ былъ истиннымъ религіознымъ торжествомъ. Затѣмъ жизнь Царской фамиліи потекла обычнымъ образомъ.

1878 годъ.

1878-й годъ начался очень грустно, да и весь онъ былъ для всей Россіи очень тяжелымъ годомъ. Уже скоро послѣ, возвращенія Государя съ войны въ Петербургъ, начались недоразумѣнія Государя съ главнокомандующимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, которыя повели къ самымъ печальнымъ результатамъ и, лишивъ Россію всей славы побѣды, повели къ унижительной для насъ Берлинской конференціи и позорному Берлинскому трактату. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ все это произошло. Когда мы овладѣли Плевной, и затѣмъ плѣнили и Шипкинскую армію Сулеймана, разбили и загнали въ горы остальные Турецкія войска, то армія наша, несокрушимымъ потокомъ перейдя Балканы, ринулась къ Константинополю, заняла Андрианополь и все пространство южной Болгаріи и Румыніи до Босфора, и ничто намъ не препятствовало занять Константинополь. Турецкое правительство рѣшилось безпрекословно принять всѣ предъявленныя ему условія мира, и 18-го Января уполномоченный Турецкаго правительства явился съ этимъ рѣшеніемъ къ великому князю и заявилъ: *Vos armes sont victorieuses! Votre ambition est satisfaite, mais la Turquie est perdue! Nous acceptons tout ce que vous voulez!*

Но Англія не дремала, и ея посланникъ въ Константинополь Лейардъ усердно работалъ противъ Россіи. Англійскому правительству удалось напугать нашего посла въ Лондонѣ графа Шувалова заявленіемъ, что вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь повлечетъ

немедленное объявление намъ Англійей войны и графъ Шуваловъ своими телеграммами въ Петербургъ добился рѣшенія *не дозволить нашей арміи занять Галиполи и Константинополь*, обѣщая, что въ такомъ случаѣ Англійскій флотъ не двинется къ Дарданеламъ. Въ слѣдствіе сего, 12-го Января, Государь прислалъ главнокомандующему нижеслѣдующую телеграмму, полученную въ Андріополѣ только 17-го Января: „Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го Января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При семъ объяви Турецкимъ уполномоченнымъ, что если въ теченіе трехъ дней со времени отправленія имъ запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, вопросъ долженъ рѣшаться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобой на этотъ случай четырехъ вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя сношенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія, общими силами, порядка въ городѣ. По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополь, избѣгать всякаго столкновенія съ ними, оставивъ войска наши подъ стѣнами города. По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненія спокойствія, то константировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска. Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англійи заявленія, *что мы не намѣрены дѣйствовать на Галиполи. Англія, съ своей стороны, обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галипольскаго полуострова*, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже еслибы какой нибудь Турецкій отрядъ находился на полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галиполи.

Въ виду твоего приближенія къ Царь-граду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о сѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генераль-адъютанту Игнатьеву немедленно отправиться въ Адрианополь, для веденія, совмѣстно съ Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ“.

Изъ этой телеграммы говоритъ генераль Газенкампфъ въ своемъ превосходномъ описаніи Турецкой войны, „ясно, что въ день ея отправления, существовало полное и точное соглашеніе съ Англіей и разрывъ съ ней предотвращенъ, но дорогою цѣною: *объщаніемъ не занимать ни Константинополя, ни Галиполя*“. Въ этой телеграммѣ ключъ и причина всей нашей послѣдующей неудачи и созванія Берлинскаго конгресса. Займи Русская армія, немедленно, т. е. въ началѣ Января, Галиполи и Дарданеллы, чему не было препятствія, и Англичане никогда бы не могли взойти въ Мраморное море и подойти къ Константинополю, и не могли бы, прежде всего, занять Галиполи, такъ какъ бы мы не допустили бы туда ихъ десанта. Но Англичане, не смотря на свое общаніе, *прошли въ Дарданеллы, которые еще не были въ нашихъ рукахъ, и положеніе наше въ Константинополь быстро измѣнилось*. Турки ободрились и начали передъ нами хорохориться. Тогда Государь сталъ требовать отъ великаго князя, чтобы онъ овладѣлъ Дарданеллами и перевезъ часть арміи на южную сторону города. Но какъ можно было это сдѣлать? У насъ не было на мѣстѣ и тяжелыхъ орудій для взятія съ берега Дарданельскихъ укрѣпленій, и не могли мы вслѣдствіе присутствія Англійскихъ кораблей передъ Константинополемъ перевести части нашей арміи на Азіатскій берегъ Константинополя. Время, которое было столь драгоцѣнно, было упущено, и исправить нашей ошибки не было возможности. Турки, соблюдая вѣжливость и лицемѣрную лесть, дѣлали все намъ наперекоръ, даже начали укрѣплять Константинополь и подтягивать туда свои армейскія войска, хотя продолжали вести съ нами переговоры о мирѣ. И онъ наконецъ былъ заключенъ, но подъ условіемъ окончательной его санкція на Берлинскомъ конгрессѣ. Вся Россія вскорѣ послѣ Плевненскаго торжества и извѣстія о побѣдоносномъ движеніи нашей арміи къ Константинополю, стала недоумѣвать о томъ, что же намъ мѣшало занять Константинополь. А потому наступило общее неудовольствіе и разочарованіе и обвиненія нашего правительства. Государь сердился на великаго князя Николая Николаевича за неисполненіе своихъ *невозможныхъ отъ него требованій*, а Николай Николаевичъ, на этотъ разъ ни въ чемъ не виноватый, жестоко мучился своимъ положеніемъ, и отъ этихъ мученій, здоровье его совершенно разстроилось и никогда уже больше не поправилось. Наконецъ онъ былъ пожалованъ фельдмаршаломъ и уволенъ отъ командованія дѣйствующей арміей, и на мѣсто его назначенъ Тотлебенъ. Когда великій князь прибылъ въ Петербургъ онъ былъ принятъ холодно и никогда до самаго конца жизни Государя Александра Николаевича не возобновились добрыя, прежнія отношенія между братьями. Всю эту зиму и весну до окончанія Берлинскаго кон-

пресса, все чувствующее и мыслящее въ Россіи и все любящее свое отечество, находилось въ состояніи удрученія, униженія и неудовольствія, и Берлинскій миръ былъ встрѣченъ общимъ негодованіемъ, прежде всего противъ Государя и Николая Николаевича, ибо публика, не зная сущности дѣла, обвинила ихъ обоихъ; негодованіемъ тоже противъ князя Горчакова и графа Шувалова—и, весьма основательнымъ противъ Шувалова, за то что онъ далъ себя обмануть и запугать Англичанами; и противъ Горчакова за то, что онъ съ самаго начала далъ обѣщаніе не занимать Константинополя и за то, что еще до войны мы позволили Австріи занять Боснію и Герцеговину, и тѣмъ отдали эти области навсегда Австрійцамъ, что поставило ихъ въ положеніе худшее, чѣмъ когда они были подъ Турецкимъ игомъ, ибо Турція никогда не посягала ни на вѣру, ни на національность ихъ, а Австрія—именно и прежде всего это и дѣлаетъ.

Наконецъ, въ Петербургѣ считали большой ошибкой, что уполномоченнымъ на конгрессѣ былъ посланъ князь Горчаковъ, котораго Бисмаркъ ненавидѣлъ и всячески старался вредить Россіи, отчасти и по этой причинѣ, хотя конечно сдѣлалъ это изъ опасенія сдѣлать еще болѣе сильною и славною и что слава Россіи могла бы затмить его славу и торжество надъ Австріей и Франціей.

Очень, очень тяжело было это время, и нашъ бѣдный, благородный, добрый Государь, очень страдалъ нравственно. И тѣмъ больше, что онъ не могъ не чувствовать, что во многомъ былъ самъ виновать. Онъ скорбѣлъ за славу и величіе Россіи, которую онъ любилъ всей душой, за то что не увѣнчалось успѣхомъ геройство его войска, его столь горячо любимаго войска. Скорбѣлъ онъ и въ чувствѣ своей любви къ своему дядѣ Германскому императору, который допустилъ Бисмарка—такъ коварно и враждебно поступить съ Россіей.

И подъ вліяніемъ общаго чувства неудовольствія стали тогда усиливаться анархическія и революціонныя движенія въ Россіи, доведшія ее въ послѣдствіи на край гибели, отъ которой спасъ насъ Господь Богъ и здравомысліе и преданность Царю и Отечеству главной части нашего народа! По возвращеніи графа Шувалова изъ Берлина, когда дворъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ, онъ былъ приглашенъ къ высочайшему обѣду, на которомъ кромѣ Ихъ Величествъ были только Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи, графъ Адлербергъ, фр. Пилларъ. Меня тоже пригласили. Обѣдъ этотъ былъ очень всѣмъ тягостенъ, не смотря на разные анекдоты и *faits divers*, которыя графъ Шуваловъ рассказывалъ о Бисмаркѣ, Биконсильдѣ и князѣ Горчаковѣ. Всѣ эти рассказы только растравляли духовныя раны Ихъ Величествъ; всѣ были довольны, когда обѣдъ наконецъ окончился, и всѣ разошлись!

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

К Р А Т К І Й М А Р Ш Р У Т Ъ

Высочайшаго Государя Императора путешествія въ 1867 г.

- 21 Мая, Суббота Выѣздъ изъ Царскаго Села въ 11 часовъ вечера.
- 22 Мая, Воскресенье Утренній чай въ Островѣ въ 7 час. 45 мин.
Остановка 20 мин.
- Депеша 1. Обѣдъ въ *Свѣнцилахъ* въ 4 часа 30 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
- 23 Мая, Понедѣльникъ. Утренній чай въ *Брестѣ* въ 6 час. 45 мин.
Остановка 20 мин.
- Депеша 2. Обѣдъ въ *Шепетовкѣ* въ 5 час. 45 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
- 24 Мая, Вторникъ Утренній чай въ *Бирзулѣ* въ 8 час.
Остановка 20 мин.
- Депеша 3. Обѣдъ въ Кишиневѣ въ 4 час. 10 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
Проѣздъ чрезъ Унгени въ 8 час. 40 мин. вечера.
- Депеша 4. Пріѣздъ въ *Ясси* въ 9 час. 40 мин. вечера.
Остановка 1 часъ 30 мин.
Выѣздъ въ 11 часъ 10 мин. вечера.
- 25 Мая, Среда Утренній чай въ Текучѣ въ 9 час.
Остановка 20 мин.
Проѣздъ чрезъ Брацловъ въ часъ по полудни.
- Депеша 5. Обѣдъ въ *Бузеу* въ 4 час. 30 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
Пріѣздъ въ *Плосити* въ 8 час. вечера.

Въ Императорскомъ поѣздѣ.

Министръ Императорскаго Двора и командующій Императорскою Главною Квартирою, генераль-адъютантъ графъ Адлербергъ 2-й.

Военный министръ, генераль-адъютантъ Милютинъ.

Государственный канцлеръ, князь Горчаковъ.

Генераль-адъютантъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій.

Шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ Мезенцовъ.

Генераль-адъютантъ Рылѣевъ.

Статсъ-секретарь Гамбургеръ.

Генераль-адъютантъ Воейковъ.

Свиты Его Величества генераль-маіоръ Салтыковъ.

Лейбъ-медикъ Боткинъ.

Генераль-адъютантъ Его Величества императора Германскаго короля Прусскаго, Вердеръ.

Флигель-адъютантъ Его Величества Императора Австрійскаго баронъ Бертольдгеймъ.

При Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Генераль адъютантъ Стюрлеръ.

При Великому Князь Сергій Александровичъ.

Свиты Его Величества контръ-адмираль Арсеньевъ.

Военно-походный начальникъ императорскихъ дворцовыхъ телеграфовъ, генераль-маіоръ Щолковъ.

Управленія Императорской главной канторы:

Секретарь и казначей, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ.

Коллежскій секретарь Ларионовъ.

Военно-походной Его Величества канцеляріи:

Коллежскій ассесоръ Рапасовъ 1-й.

Коллежскій регистраторъ Яковлевъ.

При министр Императорскаго Двора:

Маіоръ Семеновъ.

Коллежскій Секретарь Лаврентьевъ.

При генераль-адъютантъ Мезенцовъ:

Помощникъ секретаря, коллежскій ассесоръ Романченко.

Кромѣ того одинъ чиновникъ.

При лейбъ-медикъ Боткинъ

Лекарскій помощникъ титулярный совѣтникъ Кононовъ.

Фельдъегерскаго кортуса:

Капитанъ Ильинъ.

Штабсъ-капитанъ Зейфортъ.

— — Даниловъ.

Поручикъ Брешъ.

При комнатахъ Его Величества:

Комердинеръ Костинъ.
 — Подтягинъ.
 — Прегеръ.
 Рейткнехтъ Филиповъ,
 — Трубицынъ.

При комнатахъ Государя Наслѣдника Цесаревича:

Камердинеръ Вельтцинъ
 Гардеробмейстеръ Гемпель.

При комнатахъ Великаго Князя Сергія Александровича:

Камердинеръ 1.
 Рейткнехтовъ 2.

Собственнаго Его Величества конвоя:

Унтеръ-офицеръ 1.
 Козаковъ 2.
 Телеграфистъ 1.

При должностяхъ:

Метръ-д-отель Вавасеръ.
 Офиціантъ Строгоновъ.
 — Барсуковъ.
 — Петровъ.
 Офиціантскій помощникъ Торгутъ.
 Лакей Беренсонъ.
 — Емельяновъ.
 Истопникъ Калугинъ.
 Мундкоховъ 8 ч.
 Господской прислуги 30 чел.

Два раза помѣщенное выше слово „райдъ“ — Англійское. Оно вошло въ употребленіе со времени Американской войны и означаетъ быстрое движеніе не всюю армією, а только отрядомъ ея. Военному міру оно извѣстно. Д. А.